

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

П. Г. ВУДХАУС

На помощь,

ДЖИВС!

Держим удар, Дживс!

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

**На помощь, Дживс! Держим
удар, Дживс! (сборник)**

«АСТ»

1960, 1962

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

На помощь, Дживс! Держим удар, Дживс! (сборник) /
П. Вудхаус — «АСТ», 1960, 1962 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-096910-4

«На помощь, Дживс!» Верный слуга Дживс отправляется в отпуск. Лишившись на время своего ангела-хранителя, Берти Вустер находит приют в загородном поместье тети Далии, где он оказывается в компании бывшей невесты, экстравагантного юноши по кличке Бродвейский Уилли и учителя, когда-то досаждавшего маленькому Берти. И конечно же, мистеру Вустеру не избежать ловушек и каверз, которые приготовила ему судьба, а уж когда в доме обнаруживается пропажа серебряного сливочника, Берти попадает в самый центр скандальной истории. «Держим удар, Дживс!» Очередные похождения молодого аристократа Берти Вустера и его слуги, спасителя и ангела-хранителя – невозмутимого Дживса. Снова и снова Берти Вустер попадает как кур в ошип в крупные неприятности. Ему грозят ужасы разорения, позора, скандала или женитьбы. Однако в последний момент незаменимому Дживсу всегда удается найти выход из самой безнадежной ситуации...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-096910-4

© Вудхаус П., 1960, 1962

© АСТ, 1960, 1962

Содержание

На помощь, Дживс!	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пелам Вудхаус

На помощь, Дживс! Держим удар, Дживс!

Pelham Grenville Wodehouse

Jeeves in the offing. Stiff upper lip, Jeeves

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1960, 1962

© Перевод. А. Н. Балясников, 2016

© Перевод. И. В. Шевченко, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

На помощь, Дживс!

Глава 1

Дживс поставил скворчащую яичницу с беконом на стол, и мы с Реджинальдом Сельдингом – по прозвищу Селедка – схватили вилки и ножи и принялись с жадностью уплетать завтрак. Сельдинг – мой друг с незапамятных времен, нас с ним связывают неизгладимые воспоминания, вроде бы так их принято именовать. Много лет назад, в нежном возрасте, мы вместе отбывали срок в Малверн-Хаусе в Брамли-он-Си – приготовительной школе, руководимой непревзойденнейшим злодеем всех времен и народов, магистром гуманитарных наук Обри Апджоном, и частенько ждали вместе в кабинете Апджона, когда он влепит нам полдюжины горячих тростью, которая, по известному выражению, кусает, как змей, и жалит, как аспид. Так что мы привязаны друг к другу, как двое старых вояк, сражавшихся плечом к плечу в День святого Криспина, если только я не перепутал этого Криспина с кем-то еще.

Мы мигом очистили тарелки, залили горячий бекон укрепляющим дух и тело кофе, и я уже потянулся за мармеладом, но тут услышал верещание телефона в холле. Я поднялся из-за стола и снял трубку.

– Резиденция Бертрама Вустера, – произнес я. – Вустер у аппарата. А, привет, – добавил я, ибо голос, гудевший на другом конце провода, принадлежал миссис Томас Портарлингтон Траверс из Бринкли-Корта, Маркет-Снодсбери, под Дройтвичем, или, говоря проще, моей обожаемой тетушке Далии. – Сердечно приветствую вас, дражайшая родственница, – сказал я. Я действительно был рад ее звонку: с этой дамой я всегда готов почесать языком.

– У-лю-лю! – услышал я знакомый охотничий клич. – Как поживаешь, юный осквернитель пейзажа? – ласково осведомилась она. – С чего это ты так рано поднялся? Или еще не ложился после ночного загула?

Я поспешил опровергнуть клеветнические обвинения:

– Пальцем в небо. Никаких загулов. Уже неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Селедке. Он сейчас живет у меня, его новая квартира еще не готова. Помнишь Селедку? Я как-то летом привозил его в Бринкли. Ну этот, с боксерским ухом.

– Теперь вспомнила. Похож на Джека Демпси.

– Точно. Даже больше, чем сам Джек Демпси. Он теперь штатный сотрудник «Рецензий по четвергам», есть такой еженедельник, может, вы знаете, и в связи с этим встречается рассвет уже в редакции. Когда я сообщу ему, что вы звонили, уверен, он пошлет вам нежнейший поклон, ибо испытывает к вам самое глубокое уважение. «Непревзойденное гостеприимство» – вот как он обычно о вас вспоминает. До чего же я рад снова слышать ваш голос, несравненная родственница. А как дела в Маркет-Снодсбери?

– Живем помаленьку. Но я сейчас говорю не из Бринкли. Я в Лондоне.

– И надолго?

– Сегодня же вечером обратно.

– Тогда приглашаю вас на обед.

– Извини, сегодня не получится. Я договорилась перекусить с сэром Родериком Глоссопом.

Ну и ну. Вот уж с кем бы я ни за что не согласился обедать, так с этим знаменитым психиатром; по правде говоря, мы с ним в натянутых отношениях с той самой ночи в доме леди Уикем в Хартфордшире, когда я, по наущению хозяйской дочери Роберты, в сладкий предрассветный час проткнул его грелку шилом. Без злого умысла, конечно. Я хотел продырявить грелку его племянника, Балбеса Глоссопа, с которым с тех пор нахожусь в состоянии войны, –

а они возьми да и поменяйся комнатами. Прискорбное недоразумение, какие, к сожалению, нередко случаются в жизни.

– Бог мой, зачем вам это надо?

– Почему бы и нет? Он угощает.

С этим доводом нельзя было не согласиться: сэкономил – как на дороге нашел, но я все равно не мог ее понять. Чертовщина какая-то: тетушка Далия, вроде бы сама себе голова, по собственной воле готова принимать дневной рацион в обществе этой грозы психов. Однако теток надо принимать такими, какие они есть, это один из первых уроков, которые мы извлекаем из жизни, и поэтому я лишь пожал плечами.

– Что ж, дело ваше, но, по-моему, вы поступаете опрометчиво. Вы, стало быть, прискакали в Лондон лишь затем, чтобы покутить с Глоссопом?

– Нет, я приехала забрать нашего нового дворецкого.

– Нового дворецкого? А что случилось с Сеппингсом?

– Сеппингс нас покинул, Берти.

Я огорченно прищелкнул языком. Мне очень нравился теткин мажордом, немало портвейна выпил я в его буфетной, и эта новость меня расстроила.

– Да что вы говорите, – сказал я. – То-то мне показалось, что он неважно выглядит, когда я последний раз его видел. Да, вот она – жизнь. Все прах и тлен на свете.

– Он уехал в Богнор-Реджис, у него отпуск.

Я с облегчением прищелкнул языком.

– Ах вот как. Тогда другое дело. В последнее время эти краугольные камни домашнего очага завели обыкновение уезжать Бог знает куда во время отпуска. Прямо великое переселение народов в Средние века, про которое мне рассказывал Дживс. Кстати, и сам Дживс с сегодняшнего дня в отпуске. Едет в Херн-Бей ловить креветок, и я уже чувствую себя как тот горемыка из поэмы, который лишился своей любимой газели – или какое там у него было домашнее животное. Просто не знаю, что я стану без него делать.

– Зато я знаю. У тебя есть чистая рубашка?

– Даже несколько.

– А зубная щетка?

– Две, и обе превосходного качества.

– Тогда положи все это в чемодан. Завтра ты переезжаешь в Бринкли.

Тоска, которая, подобно туману, окутывает душу Бертрама Вустера всякий раз, когда Дживс убывает в ежегодный отпуск, тотчас рассеялась. Мало что на свете может сравниться с удовольствием погостить в поместье тетушки Далии. Живописнейшая природа, песчаная почва, все мыслимые удобства, включая канализацию и водопровод, и, что самое главное, превосходная кухня настоящего французского повара Анатоля, истинный праздник для желудка гурмана. Словом, все, о чем можно лишь мечтать.

– С превеликим наслаждением! – воскликнул я. – Вы избавили меня от всех забот и, как факир, выпустили из рукава синюю птицу счастья. Можете не сомневаться: завтра же после полудня вы будете иметь удовольствие наблюдать, как я подкачу в моем спортивном авто, с пробором в волосах и с песней на устах. Мне почему-то кажется, что мое присутствие подвигнет Анатоля к новым высотам в кулинарных свершениях. Кто-нибудь еще гостит в вашем бедламe?

– Еще пятеро.

– Пятеро? Ничего себе! – Я снова пощелкал языком. – Дядя Том наверняка в бешенстве, – заметил я, зная, что старикан терпеть не может гостей. Даже один-единственный постоялец, захвативший на уик-энд, порой вышибает его из колеи.

– Том уехал на воды в Харрогит с Артроузом.

– С артрозом? Вы хотите сказать – с радикулитом?

Я считал, что у него радикулит.

– Да не с артрозом, а с Артроузом! С Хомером Артроузом. Это американский магнат, сподобившийся посетить наши палестины. Страдает от язвы желудка, и врач прописал ему минеральные воды в Харрогите. Том отправился с ним, чтобы держать его за руку во время процедур и выслушивать по вечерам жалобы на отвратительный вкус пошла, которое ему приходится глотать днем.

– Очень антагонистично.

– Как?

– Я хотел сказать – очень альтруистично с его стороны. Вряд ли вы знаете это слово, я сам его недавно услышал от Дживса. Это когда один человек проявляет к другому бескорыстное участие, не жалея времени и сил.

– Бескорыстное? Как бы не так! Том хочет заключить с Артроузом очень выгодную сделку. Если это удастся, он сорвет большой куш, не облагаемый подоходным налогом. Поэтому он лебезит перед ним, как начинающая актриса перед голливудским продюсером.

Я понимающе кивнул, хотя мог и не трудиться – все равно она меня не видит. Мне не составило никакого труда воссоздать ход мыслей мужа моей тетки. Т. Портарлингтон Траверс сколотил себе состояние, которого вполне хватило бы на семерых, но при этом постоянно озабочен тем, как бы еще добавить в кубышку хоть малую толику, полагая – и совершенно справедливо, – что всякая толика, добавленная к уже имеющемуся, делает кубышку на толику полнее. А уж в чем ему нет равных, так это в умении уклоняться от уплаты налогов: каждый пенс, который государству удастся из него вытянуть, он оплакивает, как собственного сына.

– Вот почему на прощание он заклинал меня всячески ублажать миссис Артроуз и ее сына Уилли и обращаться с ними как с королевскими особами. Так что они теперь окопались в Бринкли.

– Вы говорите, его зовут Уилли?

– Уменьшительное от Уилберта.

Я задумался. Уилли Артроуз. Вроде бы знакомое имя. То ли я его где-то слышал, то ли в газетах мелькнуло. Но где, не помню.

– Адела Артроуз пишет детективные романы. Ты не поклонник ее творчества? Как только приедешь, придется штудировать ее романы, в таких делах не следует пренебрегать и малым. У меня есть полное собрание ее сочинений. Она превосходно пишет.

– С удовольствием готов прочесть все, что она настряпала, – ответил я, будучи – черт, как это называется по-испански? – афи-кто-то остросюжетного читива. Кажется, афишинадо¹. – Особенно если там парочка-другая трупов. Стало быть, мы установили, что в числе ваших постояльцев числятся миссис Артроуз и ее сын Уилберт. Кто еще?

– Леди Уикем с дочерью Робертой.

Я пошатнулся, словно чья-то невидимая рука нанесла мне удар под ложечку.

– Как? Бобби Уикем? Только этого не хватало!

– Что это ты так всполошился? Ты ее знаешь?

– Еще бы мне ее не знать!

– А, понимаю. Она что, из легиона девиц, с которыми ты когда-то был помолвлен?

– Не совсем. Формально мы не были помолвлены. Но лишь потому, что она не захотела пойти мне навстречу.

– То есть дала от ворот поворот.

– Слава Богу, да.

– Почему слава Богу? По-моему, очень эффектная барышня.

– Согласен, ее внешность не оскорбляет глаз.

¹ Aficionado – страстный любитель (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

- Красавица.
- Совершенно справедливо, но разве красота – все? Душа, по-вашему, не в счет?
- А что, по части души имеются претензии?
- Увы. Душа на уровне гораздо ниже среднестатистического. Могу вам сказать, что...

Впрочем, довольно об этом. Зачем беречь раны.

Я мог бы назвать не менее сотни причин, по которым любой разумный индивид, пекущийся о своем душевном покое, предпочтет держаться подальше от вышеупомянутой рыжеволосой фурии, но это заняло бы слишком много времени, а мне не терпелось вернуться к мармеладу. Скажу лишь, что я давно уже очнулся от гипноза и всецело осознал, что, отклонив мое предложение прошеествовать к алтарю в стае подружек невесты, юная леди оказала мне неоценимую услугу, и вот почему.

Когда тетя Далия назвала этого беса в юбке красавицей, она ничуть не погрешила против истины. В самом деле, ее внешняя оболочка того сорта, что заставляет случайного наблюдателя качнуться на каблуках и присвистнуть от восхищения. Но, обладая глазами, сияющими, как звезды, волосами оттенка спелой вишни, неотразимым шармом, *espièglerie*² и прочими необходимыми аксессуарами, Б. Уикем сочетает с ними непредсказуемость бомбы с часовым механизмом. Находясь в ее обществе, постоянно испытываешь тоскливое чувство, что вот-вот все с треском полетит к чертовой бабушке. Никогда не знаешь, что она может выкинуть и в какую невообразимую передрагу влипнешь по милости ее легкомыслия.

– Мисс Уикем недостает серьезности, сэр, – предостерег меня Дживс, когда моя любовная лихорадка была в самом разгаре, – она ветрена и легкомысленна. Я бы не рискнул рекомендовать кому бы то ни было в качестве спутницы жизни юную леди с рыжими волосами столь яркого оттенка.

И он, как всегда, был прав. Я уже рассказывал, как она подговорила меня прокрасться в спальню сэра Родерика Глоссопа и проткнуть шилом его грелку, и это еще цветочки по сравнению с другими ее выходками. Короче говоря, Роберта, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдингс-Холла, Хартс – сущий динамит, и всякому, мечтающему о спокойной жизни, лучше держаться от нее подальше. Перспектива оказаться с ней под одной крышей, при всех тех возможностях, которые загородный дом предоставляет изобретательной девушке, чтобы втянуть своих друзей и близких в очередную заваруху, породила у меня серьезные сомнения и чуть было не заставила отказаться от поездки.

Не успел я оправиться от этого удара, как престарелая родственница нанесла следующий, и это был чистый нокдаун.

– И еще у нас гостит Обри Апджон со своей падчерицей Филлис Миллс, – сказала она. – Такая вот компания. Что с тобой? У тебя астма?

Очевидно, она спросила про астму, услышав хриплый стон, который сорвался с моих губ, и должен сознаться, что он весьма походил на предсмертный крик подстреленной дикой утки. Впрочем, такая моя реакция была вполне оправданной. Человек с более слабыми нервами взвыл бы на моем месте, как пожарная сирена. На ум пришли слова, которые сказал мне как-то Селедка. «Знаешь, Берти, – сказал он, находясь в философическом настроении, – нам с тобой есть за что благодарить судьбу. Как бы ни была сурова к нам жизнь, есть одна мысль, которая должна нас укреплять и поддерживать во всех наших невзгодах. Пусть над нашими головами сгущаются тучи и тьма скроет полуденное солнце; пусть в ботинке вылезет гвоздь или мы угодим под дождь без зонтика; спустившись к завтраку, мы можем обнаружить, что кто-то съел последнее яйцо всмятку; но при всем этом у нас всегда есть утешение, что мы никогда больше не увидим этого кровопийцу Обри Апджона. Вспоминай об этом в минуты

² Игривость (фр.).

уныния», – сказал он, и я всегда свято следовал его совету. И вдруг сейчас этот прохвост снова всплывает в моей жизни. Тут самый мужественный человек затрубит умирающим селезнем.

– Обри Апджон? – дрожащим голосом спросил я. – Тот самый Обри Апджон?

– Именно. После того как ты сбежал из его каталажки, он женился на Джейн Миллис, моей подруге и обладательнице крупного состояния. Она умерла, у нее осталась дочь, моя крестница. Апджон вышел в отставку и занялся политикой. По последним слухам, местные политики собираются выдвинуть его кандидатом консерваторов от Маркет-Снодсбери на следующих дополнительных выборах. Тебе, наверное, любопытно будет снова с ним повидаться. Или, может, ты боишься?

– Разумеется, нет. Нас, Вустеров, не так легко запугать. Но какого дьявола вы пригласили его в Бринкли?

– Я и не приглашала. Мне хотелось повидать Филлис, а он сам навязался.

– Надо было его выставить.

– Духу не хватило.

– Слабеете, тетушка, слабеете...

– Кроме того, он мне нужен. Будет вручать призы школьникам в Маркет-Снодсбери. Нас, как всегда, известили в последнюю минуту, нужно произнести речь об идеалах и о взрослом мире, который ждет этих шалопаев за порогом школы, а Апджон идеально подходит для этой роли. Мне кажется, он превосходный оратор. Правда, он двух слов не свяжет, если у него с собой нет готового текста. Он называет это «свериться с тезисами». Мне Филлис рассказала. Она сама ему их перепечатывает.

– Это уж совсем неприлично, – сурово сказал я. – Я, например, никогда не поднимался выше исполнения «Свадебной песни пахаря» на сельских концертах, но, прежде чем предстать перед публикой, неизменно выучиваю текст назубок. Хотя в «Свадебной песне», если забыл слова, можно просто без конца повторять «Гоп-гоп-гоп, гей-гей-гей, еду к суженой своей». Короче говоря...

Я бы еще долго развивал эту тему, но тетка сказала, чтобы я перестал болтать вздор, и, любезно велев не разевать по дороге рот, дала отбой.

Глава 2

Я шел обратно к столу, и ноги у меня были как ватные. Да, видать, компания там подобралась неслабая. Одной Бобби Уикем хватило бы за глаза и за уши, с ее талантом баламутить все и вся и, что ни день, затевать новые авантюры, способные повергнуть в хаос весь цивилизованный мир. А тут еще Обри Апджон – нет, это явный перебор. Не знаю, заметил ли Селедка на моем лице «налет мысли бледной», как любит выражаться Дживс. Скорее всего не заметил, потому что он в этот миг был всецело поглощен тостами с мармеладом, но упомянутый налет, несомненно, на моем лице присутствовал. И, как это нередко случалось прежде, я вдруг ощутил на себе дыхание рока. Конечно, я не мог сказать, в какую именно форму отольется на сей раз его карающая воля, но внутренний голос шепнул мне, что Бертрам уже отмечен его печатью и в ближайшем будущем получит под дых.

– Тетя Далия звонила, – сказал я.

– Дай ей Бог здоровья, – сказал Селедка. – Достоянейшая из достойных. При цитировании ссылаться на источник разрешается. Никогда не забуду счастливые дни, проведенные в Бринкли. С удовольствием бы снова напросился на приглашение – готов посетить ее в любое удобное для нее время. Она что, в Лондоне?

– Сегодня возвращается в Бринкли.

– Надеюсь, мы успеем до отвала накормить твою любимую родственницу.

– Нет, она уже приглашена на обед. Будет щипать траву в обществе сэра Родерика Глоссопа, он специалист по психам. Ты ведь с ним незнаком?

– Нет, но ты мне про него рассказывал. Кошмарный тип, насколько я понял.

– Кошмарнее не бывает.

– Это он обнаружил у тебя в спальне двадцать четыре кошки?

– Двадцать три, – поправил я. Во всем люблю точность. – И это были не мои кошки. Их туда притащили мои кузены, Клод и Юстас. Но объяснить присутствие кошек в спальне оказалось не так-то просто. Глоссоп совсем не умеет слушать. Надеюсь, уж его-то я в Бринкли не встречу.

– А ты что, едешь в Бринкли?

– Завтра днем.

– Счастливчик.

– Ты думаешь? Я в этом далеко не уверен.

– Да ты спятил! Вспомни Анатоля! Вспомни его ужины! Слышал про Пери, что – безутешная – стоит у ворот Эдема?

– Дживс что-то рассказывал.

– Именно такие чувства испытываю я, когда вспоминаю ужины в исполнении Анатоля. Представляю, что он по-прежнему ежедневно творит чудеса, а меня там нет, и готов разрыдаться. Ты сам не понимаешь своего счастья. Бринкли-Корт – это рай на земле.

– Во многих отношениях действительно рай, но в настоящее время жизнь там имеет и целый ряд недостатков. Одно из тех мест, «где так совершенна природа, но низок и подл человек». Угадай, кто сейчас гостит в этом вертепе? Обри Апджон.

Видно было, что он потрясен. Глаза его широко раскрылись, недоеденный кусок тоста выпал из внезапно ослабевших рук.

– Тот самый Апджон? Ты шутишь!

– Ничуть. Он, собственной персоной. А ведь не далее как вчера ты пытался поддержать мой боевой дух заверениями, что я никогда больше его не увижу. «Пусть над нашими головами сгущаются тучи...» – помнится, говорил ты...

– Но как его занесло в Бринкли?

– Именно этот вопрос я задал моей дражайшей родственнице, и она представила объяснение, которое вполне удовлетворяет имеющимся фактам. Оказывается, после того, как мы сделали ему ручкой, он женился на тетушкиной подруге, некоей Джейн Миллс, и получил в придачу падчерицу, Филлис Миллс, а Филлис Миллс – крестная дочь тетушки Далии. Тетя пригласила юную Миллс в Бринкли, ну и Апджон решил заодно прокатиться.

– Теперь понятно. Неудивительно, что ты дрожишь как осиновый лист.

– Не совсем как лист... Впрочем, ты прав – ощущение похожее. Как вспомнишь этот его рыбий взгляд...

– И широкую бритую верхнюю губу. Не слишком приятная перспектива – любоваться на это уродство за обеденным столом. А вот Филлис тебе понравится.

– Ты с ней знаком?

– Мы встречались в Швейцарии, на прошлое Рождество. Передай ей от меня большущий привет, ладно? Славная девушка, хотя умом не блещет. Никогда не говорила, что имеет отношение к Апджону.

– Ничего удивительного – любой нормальный человек постарается такое скрыть.

– Уж это точно. Все равно что быть в кровном родстве с отравителем Цезарем Борджиа. Какими ужасными помоями он нас кормил, когда мы отбывали срок в Малверн-Хаусе! Помнишь сосиски по воскресеньям? А вареную баранину с каперсами?

– А маргарин? Кстати, о маргарине – нелегко будет смотреть, как он набивает себе брюхо лучшим сливочным маслом в Англии. Скажите, Дживс, – спросил я, когда тот снова возник в комнате, чтобы прибрать со стола, – вам ведь не доводилось посещать пригготовительную школу на южном побережье Англии?

– Нет, сэр, я получил частное образование.

– Тогда вам нас не понять. Мы с мистером Сельдингом вспоминаем нашего учителя в пригготовительной школе, Обри Апджона, магистра гуманитарных наук. Кстати, Селедка, тетя Далия мне о нем такое рассказала, мне бы сроду в голову не пришло: стыд, позор, все мыслящее человечество с презрением от него отвернется. Помнишь прочувствованные речи, с которыми он обращался к нам в конце каждого семестра? Так вот, он никогда бы не смог их произнести, если бы перед ним не лежал полный машинописный текст, и он его просто нам зачитывал. Без этих тезисов – как он их называет – он абсолютно беспомощен. Отвратительно, как вы считаете, Дживс?

– Насколько мне известно, многие ораторы испытывают те же затруднения.

– Вы слишком снисходительны, Дживс, слишком... Вам следует бороться с таким мягкотелым мировоззрением. Впрочем, я вспомнил про Апджона потому, что он снова возник в моей жизни, вернее, вот-вот возникнет. Он сейчас гостит в Бринкли, а завтра туда собираюсь я. Мне только что звонила тетя Далия, просит приехать. Вы не могли бы собрать мне все, что требуется?

– Хорошо, сэр.

– Когда вы отправляетесь в этот ваш Херн-Бей?

– Хотел уехать сегодня, утренним поездом, сэр, но если вам удобнее, чтобы я задержался до завтра...

– Нет-нет, можете ехать, когда хотите. А что смешного? – спросил я, когда Дживс закрыл за собой дверь, потому что Селедка беззвучно давился от смеха. Это не так-то просто, когда рот у тебя набит тостами с мармеладом, но он умудрился.

– Я думал об Апджоне, – сказал он.

Я был поражен. Совершенно невероятно, чтобы человек, некогда учившийся в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, мог смеяться, пусть и беззвучно, вспоминая об этом прохвосте. Все равно что смеяться над инопланетными монстрами, которыми нас в последнее время пугают с киноэкрана.

– Завидую я тебе, Берти, – продолжал он, по-прежнему давясь от смеха. – Тебя ждет фантастическое удовольствие. Ты будешь присутствовать на завтраке в тот день, когда Апджон раскроет свежий номер «Рецензий по четвергам» и начнет просматривать рубрику, посвященную литературным новинкам. Должен тебе сказать, что среди книг, которые поступили к нам в редакцию, было и его сочинение – тоненькая брошюрка, в которой он превозносит роль приготовительных школ. Годы, которые мы провели в его школе, пишет он в этой книжонке, не только способствовали формированию гармоничных личностей, но и были самыми счастливыми в нашей жизни.

– Вот гад!

– Ему и в голову не приходило, что его детище попадет на рецензию к бывшему каторжанину из Малверн-Хауса. Послушай меня, Берти, это необходимо знать всякому молодому человеку. Не будь подонком: сколько бы подонки ни благоденствовали, все до поры до времени. Рано или поздно придет час расплаты. Вряд ли необходимо говорить тебе, что я камня на камне не оставил от омерзительной брошюрки. Мысль о воскресных сосисках наполняла мою душу праведным гневом Ювенала.

– Гневом кого?

– Не важно, ты его не знаешь. Давным-давно умер. Я ощутил прилив творческих сил. Обычно на подобную книгу я отвожу полторы строчки в колонке «Последние новинки», но этой я посвятил шестьсот слов вдохновеннейшей прозы. Вот почему я считаю, что тебе скажочно повезло – ведь ты сможешь увидеть его физиономию, когда он будет их читать.

– С чего ты так уверен, что он их прочтет?

– Он наш подписчик. В разделе «Нам пишут читатели» было опубликовано его письмо, где он особо подчеркивает, что много лет выписывает наш журнал.

– А ты подписал заметку?

– Нет. Главный не любит, когда такая мелкая сошка, как я, пытается вписать свое имя в скрижали.

– И что, ты его там здорово отделал?

– По первое число. Так что внимательно следи за ним во время завтрака. Интересно, как он будет реагировать. Готов поспорить, краска стыда и раскаяния на его щеках зардеет.

– Тут есть одна загвоздка – в Бринкли я никогда не спускаюсь к завтраку. Но ради такого случая готов на любые жертвы.

– Да уж, постарайся. Увидишь – дело того стоит, – сказал Селедка и вскоре ускакал добывать в поте лица свой хлеб насущный.

Минут через двадцать в комнату вошел Дживс со шляпой в руках, чтобы попрощаться. Торжественный миг, требующий огромного самообладания от нас обоих. Нам удалось сохранить присутствие духа и даже переброситься парой шуточных фраз. Когда он уже был в дверях, мне вдруг пришло в голову, что он может что-то знать – по своим каналам – про этого Уилберта Артроуза, о котором упоминала тетя Далия. Как мне уже не раз доводилось убедиться, Дживс знает все обо всех на свете.

– Еще полсекунды, Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Забыл спросить. Штука в том, что среди приглашенных в Бринкли будет некая миссис Хомер Артроуз, жена американского толстосума, и ее сын Уилберт, известный более как Уилли, и это имя – Уилли Артроуз – вызывает какой-то смутный отклик в струнах. Оно почему-то ассоциируется у меня с нашими поездками в Нью-Йорк, но в какой связи – понятия не имею. А вам оно ни о чем не говорит?

– Говорит, сэр. Об этом джентльмене часто пишут бульварные нью-йоркские газеты, особенно в разделе, который ведет мистер Уолтер Уинчел. Обычно он проходит там под кличкой Бродвейский Уилли.

– Ну, разумеется. Да-да, припоминаю. Таких молодцов называют плейбоями.

– Совершенно верно, сэр. Он славится своими экстравагантными выходками.

– Ну вот, теперь окончательно вспомнил. Этот тип имеет обыкновение приносить в ночные клубы бомбы со зловонным газом, что, на мой взгляд, все равно что возить уголь в Ньюкасл, а когда получает деньги по чеку в банке, то сует кассиру под нос «кольт» со словами: «Спокойно, это ограбление».

– И еще... Нет, сэр, сожалею... выскользнуло из памяти.

– Что выскользнуло?

– Так, незначительная подробность, сэр, касающаяся мистера Артроуза. Если вспомню, я вам сообщу, сэр.

– Да, пожалуйста. Хотелось бы иметь полную картину. Ах, черт!

– Сэр?

– Нет, ничего. Просто вдруг пришло в голову... Хорошо, Дживс, отчаливайте, не то на поезд опоздаете. Желаю вам крупных крестов, да побольше.

Теперь я скажу вам, что именно мне пришло в голову. Я уже говорил, как мало меня вдохновляет перспектива проживания в одном доме с Бобби Уикем и Обри Апджоном, ведь никому не ведомо, какие плоды принесет такое соседство. Когда же я представил, что в дополнение к этим двум обормотам мне придется постоянно находиться бок о бок с нью-йоркским плейбоем, у которого явно не все дома, я стал думать, что этот визит не для хрупкого здоровья Бертрама, и почувствовал искушение послать телеграмму с извинениями и никуда не ехать.

Потом вспомнил кулинарные изыски Анатоля и вновь укрепился духом. Кто хоть раз их вкусил, не в состоянии добровольно лишиться себя деликатесов этого волшебника. Какие бы душевные муки ни были уготованы мне в Бринкли-Корте, пребывание там даст возможность насладиться паштетом из гусиных печенок, вымоченных в шампанском, и мечтой гурмана из цыплят «Маленький герцог». Но ловушки, но каверзы, которые ждут меня в вустерширской глухомани! Что греха таить, при мысли о них я почувствовал себя очень неудобно, и, когда я закуривал утреннюю сигарету, рука моя заметно дрожала.

В эту минуту сильнейшего нервного напряжения снова зазвонил телефон, и я подскочил на месте, словно услышал трубу архангела, сзывающего грешников на Страшный суд. Когда я снял трубку, меня трясло, как в лихорадке.

Голос на другом конце провода явно принадлежал какому-то дворецкому.

– Мистер Вустер?

– Он самый.

– Доброе утро, сэр. С вами желает поговорить ее светлость леди Уикем, сэр. Мистер Вустер у телефона, миледи.

И я услышал в трубке голос матери Бобби.

Должен вам заметить, что во время моей содержательной беседы с дворецким до моего слуха доносились звуки, похожие на отдаленные рыдания, эдакое музыкальное сопровождение. Теперь стало очевидно, что звуки эти исходят из гортани вдовы покойного сэра Катберта. Ей не сразу удалось подавить рыдания и заставить работать голосовые связки, и, пока я ждал, я старался найти ответ на две мучившие меня загадки: первая – с какой стати эта дама вдруг решила мне позвонить, и вторая – уж если позвонила, то ведь не для того же, чтобы часами рыдать в трубку.

Меня особенно занимала загадка номер один, потому что после случая с грелкой наши отношения с родительницей Бобби оставались несколько натянутыми. Для меня, разумеется, не секрет, что в ее глазах я не намного лучше самых отпетых представителей преступного мира. Я это знаю со слов самой Бобби, которая весьма живо изобразила в лицах разговор обо мне между ее матушкой и сочувственно поддакивающими подругами, и, должен признаться, ее отношение меня не удивляет. Какой хозяйке, предоставляющей гостеприимство другу своей

дочери, понравится, что юный гость шастает по всему дому в три часа утра, протыкает людям грелки и после этого спокойно исчезает, не потрудившись попрощаться. Да, я вполне понимаю ее чувства, и именно поэтому меня так удивило, что она вдруг пожелала со мной говорить. Зная ее аллергическую реакцию на Бертрама Вустера, я был уверен, что она скорее умрет, чем позвонит мне по телефону. Однако вот позвонила.

– Мистер Вустер?

– Доброе утро, леди Уикем.

– Вы меня слушаете?

Я заверил ее, что слушаю, и она опять взяла таймаут, чтобы порыдать. Потом она заговорила гортанным, осипшим голосом, словно исполнительница цыганских романсов, у которой в горле застряла рыба кость.

– Так это правда?

– Простите?

– О Боже, Боже, Боже мой!

– Я не совсем понимаю...

– Сегодня... в утренней «Таймс»...

Я очень быстро соображаю, а потому догадался, что в номере «Таймс», опубликованном сегодня утром, по-видимому, напечатано нечто, по какой-то причине огорчившее ее, однако почему она выбрала именно меня, чтобы излить свое горе, оставалось для меня тайной за семью печатями. Я решил провести необходимые изыскания в надежде подобрать ключ к этой тайне, но в дополнение к рыданиям она вдруг захохотала, как гиена, и я своим чутким ухом уловил, что у нее началась истерика. Я не успел и рта раскрыть, как услышал глухой звук, дающий основание предположить, что где-то на землю упало некое твердое тело, и, когда разговор возобновился, оказалось, что в игру снова вступил дворецкий – видимо, в качестве дублера своей хозяйки.

– Мистер Вустер?

– Да, слушаю.

– С огорчением должен сообщить вам, что ее светлость упала в обморок.

– А-а, то-то я слышал, что-то грохнулось.

– Это была ее светлость, сэ. Большое спасибо, сэ. До свидания.

Он повесил трубку и вернулся к своим служебным обязанностям, в числе которых наверняка значились и такие, как необходимость расшнуровать даме корсет и поднести к носу жемчужные перья, а мне, лишившемуся информации с места боевых действий, не оставалось ничего иного, как размышлять над созданным положением.

Я решил, что разумнее всего найти номер «Таймс» и посмотреть, что он может нам предложить в плане разъяснения. Я не часто заглядываю в эту газету и за завтраком предпочитаю читать «Миррор» или «Мейл», но Дживс ее регулярно покупает, и я иногда ее у него беру, чтобы порешать кроссворд. Возможно, он оставил сегодняшний номер на кухне, и так оно и оказалось. Я принес газету в комнату, поудобнее устроился в кресле, закурил еще одну сигарету и принялся изучать содержание номера.

При беглом просмотре мне не удалось обнаружить там ничего «обморочного». Герцогиня такая-то присутствовала на открытии благотворительного базара в Уимблдоне, была статья, посвященная ловле лосося на Аляске, член кабинета министров произнес речь об условиях труда в хлопчатобумажной промышленности, но я не обнаружил в этих заметках ничего такого, что могло бы привести к потере сознания. В равной мере мне представлялось маловероятным, чтобы леди Уикем могла грохнуться на пол, прочитав, что Герберт Робинсон (26 лет) из Гров-Роуд, Пондерс-Энд, угодил за решетку за кражу пары зеленых брюк в желтую клеточку. Я перешел к новостям крикета. Возможно, кто-то из ее друзей упустил вчера шанс победить в матче на первенство графства из-за ошибки судьи на линии?

Лишь дойдя до последней страницы, где помещен раздел «Рождения и браки», я удосужился взглянуть в колонку «Помолвки» и тут же вылетел из кресла с такой стремительностью, как будто пружина проткнула обивку сиденья и впилась мне в мягкие ткани.

– Дживс! – завопил я и тотчас вспомнил, что его уже унес прочь ветер странствий. Мне стало ужасно горько на душе, ибо бывают минуты, когда мне жизненно необходимы его совет и помощь, и сейчас настала та самая минута. Все, что я смог сделать, выступая solo, – это издать замогильный стон и закрыть лицо руками. И хотя в ушах моих уже звучит неодобрительное шиканье публики при виде такого постыдного малодушия, то, что я там прочел, его оправдывает. А написано там было вот что:

«ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Объявлено о помолвке Бертрама Уилберфорса Вустера из Беркли-Мэншнс и Роберты, дочери покойного сэра Катберга Уикема и леди Уикем из Скелдинг-Холла, графство Хартфоршир».

Глава 3

Я уже упоминал, что, поддавшись шарму Роберты Уикем, я несколько раз подкатывался к ней с предложениями о брачном союзе, но, клянусь, она всякий раз эти предложения отвергала, причем в форме – я хочу подчеркнуть это особо, – исключаящей малейшие сомнения в искренности ее отказа. По-моему, если порядочный человек предлагает девушке руку и сердце, а та в ответ лишь хохочет как сумасшедшая и советует ему не быть ослом, то человек этот имеет все основания полагать, что его предложение отклонено. Поэтому, когда я прочитал объявление в «Таймс», мне лишь оставалось предположить, что во время одной из таких попыток она, потупив глазки, пролепетала «да», а я почему-то отвлекся и пропустил ее слова мимо ушей. Но хоть убей – не помню, когда такое случилось.

Теперь вам нетрудно понять, почему на следующий день, когда Бертрам Вустер вышел из своего спортивного авто у дверей Бринкли-Корта, вокруг глаз у него чернели круги, башка трещала по всем швам, а сам он спрашивал себя, какого дьявола все это значит? Я был в полнейшей растерянности. Первое, что мне следует сделать, это разыскать мою невесту и потребовать, чтобы она внесла свой скромный вклад – ну, в смысле прояснила ситуацию.

Вокруг не было ни души, как это часто бывает в загородном доме в погожий день. В положенное время все соберутся пить чай на лужайке, но сейчас я не видел ни одного дружелюбно настроенного туземца, который бы сказал, где можно найти Бобби. Поэтому я пустился бродить по парку в надежде, что случайно ее встречу. Жаль, я не прихватил с собой пару ищеек, потому что поместье у Траверсов обширное, а солнце сияло всюду, впрочем, как вы понимаете, только в небесах, но отнюдь не в моей душе.

Я плелся по заросшей мхом тропинке, утирая со лба трудовой пот, как вдруг до моих ушей донесся голос – кто-то, вне всякого сомнения, читал вслух стихи, и в следующее мгновение я натолкнулся на парочку, бросившую якорь под развесистым деревом, в месте, которое именуется здесь Тенистой поляной.

Не успели они появиться в поле моего зрения, как небеса задрожали от оглушительного лая. Эти звуки произвела маленькая такса, которая неслась ко мне с явным желанием узнать, что у меня внутри. К счастью, лучшая часть собачьей натуры, видимо, взяла верх, ибо, прибыв к цели своего путешествия, пес ракетой взвился в воздух и лизнул меня в подбородок, показывая всем своим видом, что нашел в Бертраме Вустере тот идеал, который он искал давно и безуспешно. Я еще прежде заметил, что собаки начинают испытывать ко мне дружеские чувства, как только я оказываюсь в пределах досягаемости их обоняния. Несомненно, это связано с какими-то особенностями исходящего от Вустеров запаха, который положительно воздействует на их подсознание. Я пощекотал его за правым ухом, потом почесал спинку и, покончив со светскими любезностями, перенес внимание на поэтическую парочку.

Декламированием стихов была занята мужская половина труппы – рыжеватый тощий тип с усиками, сложением и обликом смахивающий на Дэвида Найвена. Вне всякого сомнения, был это не Обри Апджон, – ага, стало быть, Уилли Артроуз; правда, несколько странно, что он изъясняется стихами. Когда речь идет о нью-йоркском плейбое, печально известном своими похождениями, невольно ждешь от него прозы, причем самого низкого пошиба. Но, видать, и у плейбоев бывают минуты слабости.

Его спутницей оказалась миниатюрная, но весьма фигуристая барышня, которая не могла быть никем иным, как Филлис Миллс, о которой мне рассказывал Селедка. «Славная девушка, хоть и глуповата», – сказал он про нее, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в правоте его слов. С годами вырабатывается способность безошибочно распознавать глупость в особях противоположного пола, а у этого экземпляра я заметил то выражение младенческой наивности, которое свидетельствует если не о полном отсутствии ума, как у некоторых знако-

мых дам, то, во всяком случае, о его несомненной скудости. Готов поспорить, она сюсюкает по любому поводу и без повода.

Что она тотчас же и доказала, спросив, правда ведь, Крошка – так звали ее таксу – «преlestь» и «сладенький песик»? Я сухо согласился, ибо предпочитаю более краткую и общепринятую форму «пес», после чего она заметила, что я, по всей видимости, племянник миссис Траверс, Берти Вустер, что, как вы знаете, полностью соответствует действительности.

– Я слышала, вы должны сегодня приехать. Меня зовут Филлис Миллс, – продолжала она, и я ответил, что так я и думал и что Селедка передает ей большущий привет, на что она воскликнула: – Как, Реджи Сельдинг? Ужасный душка, верно? – И я согласился, что его смело можно отнести к этой категории и что среди душек он занимает не последнее место, на что она сказала: – Да, он просто лапонька.

Во время нашего диалога Уилберт Артроуз оставался не у дел, вроде тех второстепенных персонажей, которых художники изображают на заднем плане картины: он хмурил брови, пощипывал усики, шаркал ногами и подергивал прочими частями тела, стараясь дать мне понять, что, по его мнению, здесь стало чересчур многолюдно и что вернуть Тенистой поляне прежнее очарование сможет только немедленное исчезновение Вустеров. Воспользовавшись паузой в разговоре, он спросил:

– Вы кого-то ищете?

Я ответил, что ищу Бобби Уикем.

– На вашем месте я бы продолжил поиски. Уверен, вы ее обязательно найдете.

– Кого, Бобби? – спросила Филлис Миллс. – Она на озере, удит рыбу.

– Тогда идите вот по этой тропинке, – просиял Уилберт Артроуз, – повернете направо, потом сразу налево, снова направо и выйдете к озеру. Проще простого. Мой совет – отправляйтесь немедленно.

Ну, это уж слишком: меня, связанного с Тенистой поляной, можно сказать, кровными узами, фактически выгоняет какой-то посторонний, но тетюшка Далия ясно дала понять, что мы ни в чем не должны перечить членам семейства Артроуз, поэтому я последовал его совету и зашагал в сторону озера, воздержавшись от ответных реплик. Отойдя на некоторое расстояние, я вновь услышал за спиной вдохновенные поэтические рулады.

Хотя водоем в Бринкли гордо именуется озером, говоря по совести, это скорее начинающий пруд. Но все же достаточно большой, чтобы прокатиться на плоскодонке. И для любителей катаний здесь устроен небольшой причал с навесом для лодок. На этом-то причале и сидела Бобби с удочкой в руках, и я, стремительно преодолев разделявшее нас пространство, оказался у нее за спиной.

– Привет, – сказал я.

– Привет от старых штиблет, – отвечала она. – А, это ты, Берти? Уже приехал?

– В наблюдательности тебе не откажешь. Не могла бы ты уделить мне минуту твоего драгоценного времени, прекрасная дама?

– Погоди, кажется, клюет. Нет, показалось. Так что ты говоришь?

– Я говорю, что...

– Да, кстати, сегодня утром я разговаривала с мамой.

– А я с ней беседовал вчера.

– Так и знала, что она тебе позвонит. Ты видел объявление в «Таймс»?

– Прочел собственными глазами.

– Наверное, сначала удивился?

– Я и сейчас удивляюсь.

– Я тебе все объясню. Эта идея пришла ко мне как озарение свыше.

– Выходит, ты запустила эту «утку»?

– Конечно.

– Но зачем? – спросил я, беря, по своему обыкновению, быка за рога.

Я думал, она смутится. Ничуть не бывало!

– Чтобы приготовить путь Реджи.

Я провел рукой по вспотевшему лбу.

– Видно, у меня что-то случилось со слухом – прежде он всегда был превосходным, – сказал я. – Мне послышалось, ты сказала: «Чтобы приготовить путь Реджи».

– Ну да. Прямыми сделать стези ему. Хочу, чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи.

Я провел другой рукой по вспотевшему лбу.

– А сейчас мне послышалось, будто ты сказала: «Чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи».

– Именно так я и сказала. Все предельно просто. Объясняю специально для особо непонятливых. Я люблю Реджи. Реджи любит меня.

Я все равно не понял:

– Какой Реджи?

– Реджи Сельдинг.

Я чуть не упал.

– Как, Селедка?

– И не называй его, пожалуйста, Селедкой.

– Да я его всю жизнь так зову. В конце концов, – сказал я, смягчаясь, – если мальчик с фамилией Сельдинг попадает в частную школу на южном побережье Англии, какую кличку могут дать ему одноклассники? Но когда это ты успела его полюбить, а он – тебя? Ты же его в глаза не видела.

– Еще как видела. Мы останавливались в одном отеле в Швейцарии на прошлое Рождество. Я учила его кататься на лыжах, – сказала она, и лучистые звезды, которые она носит на лице в качестве глаз, затуманились от нежности. – Я помогла ему подняться, когда он рухнул на склоне для начинающих. У него обе ноги закрутились вокруг шеи вроде шарфа. Думаю, именно в эту минуту в моей душе впервые пробудилась любовь. Сердце мое растаяло, пока я распутывала его ноги.

– И ты над ним не смеялась?

– Конечно, нет. Я была само понимание и сочувствие.

Тут я наконец осознал, насколько это серьезно. У Бобби весьма развито чувство юмора, и воспоминание о ее реакции на то, как в Скелдингсе я наступил в саду на грабли и рукоятка засветила мне по носу, до сих пор хранится в золотом фонде моей памяти. С ней тогда судороги сделались от смеха. И если она не померла со смеха при виде такого зрелища, как Реджинальд Сельдинг с закрученными вокруг шеи ногами, значит, речь действительно идет о глубоком и сильном чувстве.

– Хорошо, – сказал я. – Допустим, у тебя с Селедкой все обстоит именно так, как ты сказала. Но зачем в таком случае трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?

– Я же тебе объяснила. Для того, чтобы примирить маму.

– Звучит как бред сумасшедшего – прямой репортаж из желтого дома.

– Ты что же, не понял моего гениального плана?

– По-прежнему нахожусь в нескольких парсеках от намека на понимание.

– Ты ведь знаешь, какой репутацией ты пользуешься у моей мамы?

– Наши отношения нельзя назвать слишком теплыми.

– При одном твоём имени её трясёт. Вот я и решила, что, если она подумает, будто я собираюсь за тебя замуж, а потом узнает, что на самом деле вовсе и не собираюсь, она будет так счастлива моему чудесному избавлению, что с радостью примет любого зятя, даже такого, как Реджи. Он хоть и прекрасный человек, но не блещет ни знатностью, ни богатством. По

маминым понятиям, я должна выйти либо за дельца-миллионера, либо за герцога с большим личным состоянием. Теперь понимаешь?

– Да, отлично понимаю. Дживс это называет «сыграть на особенностях психологии индивидуума». Но ты уверена, что план сработает?

– Обязательно сработает. Рассмотрим сходную ситуацию. Предположим, в одно прекрасное утро тетя Далия прочтет в газете, что на рассвете тебя расстреляют.

– Исключено. Я в такую рань не встаю.

– Предположим, она все-таки прочтет. Она же здорово расстроится, верно?

– Еще бы! Могу себе представить – она во мне души не чаёт. Не стану отрицать, что иногда ее манеры кажутся грубоватыми. В детстве она частенько награждала меня подзатыльниками, а когда я вступил в более зрелую пору, не раз советовала мне повесить на шею кирпич и утопиться в пруду за домом. Тем не менее она любит своего Бертрама, и, если услышит, что на рассвете я буду расстрелян, она будет страдать, как от острой зубной боли. Ну и что? При чем здесь это?

– А теперь представь: ей говорят, что произошла ошибка, расстрел грозит не тебе, а кому-то другому. Разве она не обрадуется?

– Да она будет просто плясать от радости.

– Вот именно. И что бы ты ни сделал, ей все будет казаться замечательным. Какую бы глупость ты ни придумал, она придет в восторг. «Делай, как считаешь нужным», – только и скажет она тебе. То же самое почувствует моя мама, когда узнает, что я не выхожу за тебя замуж. Она испытает чувство огромного облегчения.

Я согласился, что облегчение и вправду будет огромным.

– Но ты ведь откроешь ей истинное положение дел через денек-другой? – спросил я: мне было очень важно заручиться гарантиями по этому пункту. Человек, над которым тяготеет объявление о помолвке в «Таймс», не может чувствовать себя в безопасности.

– Ну, скажем, через неделю-другую. В таких делах не следует торопиться.

– Нужно время, чтобы микстура начала действовать?

– В этом вся суть.

– А что требуется от меня? То и дело покрывать тебя страстными поцелуями?

– Нет, это лишнее.

– Как скажешь. Просто я хочу понять свою роль.

– Достаточно периодически бросать на меня томные взгляды.

– Будет сделано. Что ж, ужасно рад за тебя и Селедку, или, как ты предпочитаешь его называть, Реджи. Если и есть на свете человек, с кем мне хотелось бы видеть тебя у алтаря, так это он.

– Ты очень мужественно принял эту новость.

– Ладно, чего уж там.

– Я тебя ужасно люблю, Берти.

– Я тебя тоже.

– Но ведь я не могу выйти замуж за всех, верно?

– И не пытайся. Что ж, теперь, когда все прояснилось, я, пожалуй, пойду доложусь о прибытии тете Далии.

– А который час?

– Почти пять.

– Господи, мне надо бежать. Я сегодня за хозяйку во время чая.

– Ты? А где тетя Далия?

– Уехала. Когда она вчера вечером вернулась из Лондона, ее ждала телеграмма из школы – ее сын, Бонзо, заболел. Она попросила меня побыть за хозяйку до ее возвращения, но мне придется уехать на несколько дней, нужно срочно встретиться с мамой. С тех пор как она

прочла это объявление в «Таймс», она бомбардирует меня телеграммами с просьбой приехать и сесть за стол переговоров. Что значит «имбецил»?

– Не знаю. А что?

– Именно так она называет тебя в последней из них. Цитирую: «Не могу понять, как тебе пришло в голову выйти за этого имбецила». Конец цитаты. Думаю, это слово означает примерно то же, что и «дебил» – так она охарактеризовала тебя в предшествующем послании.

– Звучит обнадеживающе.

– Да, все идет как нельзя лучше. После тебя Реджи пройдет на ура, как освежающий фруктовый десерт. Она встретит его с распростертыми объятиями.

И с прощальным воинственным воплем она чесанула в сторону дома со скоростью двадцать миль в час, не меньше. Я проследовал за ней, правда, в более медленном темпе, потому что наш разговор дал мне обильную пищу для размышлений.

Я пытался понять, в силу какого каприза природы в сердце юной Уикем возникло столь сильное чувство к моему другу Селедке. В самом деле, обратимся к фактам. Ведь при ее привлекательности – действительно наивысшего класса – у нее от женихов просто отбоя нет. Она много лет упорно отказывала всем претендентам, поэтому в конце концов сложилось мнение, что удовлетворить ее высоким требованиям сможет лишь некий экстра-суперпоклонник, заветный приз сорвет лишь сказочный принц, совершенство во всех отношениях. А она взяла и выбрала Селедку.

Только не подумайте, будто я что-то имею против старины Сельдинга. Он, что называется, соль земли. Но что касается внешности, в нем нет ничего сногшибательного. Он с ранней юности увлекался боксом, и отсюда это изуродованное ухо, про которое я говорил тете Далии, вдобавок неведомая мне рука свернула ему нос несколько в сторону. Короче говоря, я бы никому не посоветовал ставить на него на конкурсе красоты, даже если его единственными соперниками будут Борис Карлофф, Кинг-Конг и Богач Поссер из «Трутней».

Но не будем забывать, что внешность – далеко не все. За изуродованным ухом может скрываться золотое сердце, а у Селедки сердце действительно золотое, причем золото это самой высокой пробы. Да и ум играет в таких делах не последнюю роль. Чтобы удержаться на редакторском месте в солидном лондонском еженедельнике, нужно обладать изрядным запасом серого вещества, и ни одна девушка не может этого не оценить. И следует учесть, что претенденты, которых Роберта все эти годы отвергала, относились по большей части к подвиду охотников и рыболовов: буркнув «Чего?» и похлопав себя по ляжке арапником, они считают культурную программу законченной. На этом фоне Селедка, несомненно, блистал прелестью новизны.

Но при всем при этом ситуация, как я уже говорил, давала пищу для размышлений, и, направляясь в сторону дома, я пребывал в состоянии глубокой задумчивости – вряд ли хоть один букмекер принял бы ставку даже из расчета один к тридцати на то, что я не влеплюсь во что-нибудь лбом по дороге. И я вскорости вцепился. Я мог налететь на дерево, на куст или на садовую скамейку. Но судьбе было угодно, чтобы я налетел на Обри Апджона. Не успел я повернуть за угол дома, как врезался в него на всем ходу. Я обхватил его за шею, его руки обвили мою талию, и чуть не целую минуту мы, слившись в страстном объятии, топтались взад-вперед. Но вот пелена тумана спала с моих глаз, и я увидел, с кем я вальсирую. Разглядев его «во всей целостности и полноте», как любит выражаться Дживс, я был поражен, до чего же он изменился со времени наших встреч в его кабинете в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, когда с замирающим сердцем я наблюдал, как он достает бамбуковую трость и делает несколько пробных взмахов для разминки мышц плечевого пояса. В тот период нашего знакомства он мне запомнился как статный пожилой джентльмен – ростом под потолок, глаза горят, из ноздрей пламя пышет. Теперь он скукожился до низкорослого старикашки, я мог бы одной левой сбить его с ног.

Чего я, разумеется, делать не стал. Но от моего прежнего трепета не осталось и следа. Неужели мне казалось когда-то, что сей представитель семейства членистоногих может одним лишь взглядом остановить мчащийся поезд?

Думаю, дело в том, что с тех пор он отрастил усы. Пятнадцать лет назад, в эпоху Малверн-Хауса, именно широкая голая верхняя губа вселяла леденящий ужас в наши детские души; это было совершенно невыносимое зрелище, особенно когда он ею подергивал. Не скажу, чтобы усы смягчили его лицо, но они, во всяком случае, скрыли какую-то его часть, что уже хорошо. В результате, вместо того чтобы, как я предполагал, оцепенеть от страха при встрече, я повел себя с ним очень непринужденно и светски – возможно, даже чересчур.

– А, здравствуйте, Апджон, – сказал я. – Как поживаете?

– Вы кто? – спросил он.

– Я – Вустер.

– Ах, Вустер, – сказал он, и в голосе его послышалось разочарование, словно он надеялся, что на моем месте окажется кто-то другой, и, разумеется, его можно понять. Не сомневаюсь, он, как и я, все эти годы утешался мыслью, что больше мы никогда не встретимся и что, какие бы каверзы ни уготовила ему судьба, уж от Бертрама-то он навсегда избавился. Могу себе представить, какой шок испытал этот старый болван, когда я вдруг выскочил из небытия, как черт из табакерки.

– Давненько не видались, – сказал я.

– Да, – мрачно подтвердил он, явно показывая, что, будь его воля, мы бы не увиделись до Страшного суда. В результате разговор увял, и, пока мы шли по газону к чайному столу, наш диалог даже с большой натяжкой трудно было бы назвать пиром мысли и духа. Разве что я заметил: «Отличный сегодня денек, а?» – а он в ответ вроде как хрюкнул.

Когда мы добрались до кормушки, то застали там одну лишь Бобби. Уилберт и Филлис остались на Тенистой поляне, а миссис Артроуз, как объяснила нам Бобби, обычно в это время трудится над новым морозпокожным романом и редко спускается к чаю. Мы уселись за стол и только поднесли к губам чашки, как из дома вышел дворецкий с блюдом фруктов и направился в нашу сторону.

Я называю его дворецким за неимением более подходящего слова. Одет он был как дворецкий и вел себя как дворецкий, но с точки зрения исконного и истинного смысла слова дворецким не был.

Это был сэра Родерик Глоссоп.

Глава 4

В клубе «Трутни» и во многих других местах, где мне случается бывать, вы нередко можете услышать рассказы о самообладании и хладнокровии, присущим Бертраму Вустеру, – все единодушно сходятся на том, что я весьма щедро наделен этими чертами характера. Думаю, многие считают меня суперменом со стальными канатами вместо нервов, вроде тех, про которых пишут в книжках, и я не стану опровергать это мнение. Но и в моей броне можно пробить брешь, для этого достаточно выпустить на лужайку всемирно известных психиатров, наряженных дворецкими.

Я не мог ошибиться, предположив, что именно сэр Родерик Глоссоп поставил на стол фрукты и теперь семенил по лужайке обратно к дому. Только один человек в мире может похвастаться таким огромным лысым черепом и такими кустистыми бровями. Сказать, что я не был потрясен, значило бы ввести в заблуждение мировую общественность. Внезапное появление призрака заставило меня вздрогнуть, а всем известно, что случается, когда человек вздрагивает, держа в руках полную чашку чая. Содержимое чашки выплеснулось прямо на брюки магистра гуманитарных наук Обри Апджона, значительно их увлажнив. Я не слишком погрешу против истины, если скажу, что чай составлял теперь более существенную часть его наряда, нежели сами брюки.

Было видно, что он принял это обстоятельство очень близко к сердцу, поэтому меня удивило, что бедолага ограничился лишь безобидным междометием. По-видимому, людям, занимающим видное общественное положение, приходится быть сдержанными в выражениях. Если они начнут чертыхаться и изрыгать проклятия, это может произвести неблагоприятное впечатление, такое удовольствие могут позволить себе только рядовые граждане.

Впрочем, порой все понятно без слов. Во взгляде, которым он меня одарил, я прочел не менее сотни непечатных эпитетов. Так скорый на руку помощник капитана грузового парохода глядит на проштрафившегося матроса.

– Вижу, вы не изменились с тех пор, как покинули Малверн-Хаус, – сказал он с раздражением, вытирая брюки носовым платком. – Растяпа Вустер – так мы его всегда звали, – продолжал он, обращаясь к Бобби и явно рассчитывая на ее сочувствие. – Простейшего дела не мог сделать, даже такого, как взять в руки чашку с чаем, он постоянно сеял вокруг себя хаос и разрушение. У нас в Малверн-Хаусе так и говорили: если в комнате, где находится Вустер, стоит хотя бы один стул, он его обязательно опрокинет. Каков человек в детстве, таков он и в старости.

– Ради Бога, извините, – сказал я.

– Что толку от ваших извинений? Испортили мне новые брюки. Разве выведешь пятна чая с белой фланели. Впрочем, будем надеяться на лучшее.

Не знаю, правильно ли я поступил, похлопав его по плечу и воскликнув: «Вот она – истинно британская стойкость!» Скорее всего нет, потому что мое восклицание его не утешило. Он еще раз свирепо на меня глянул и большими шагами направился к дому, распространяя вокруг себя аромат чая.

– Знаешь что, Берти, – сказала Бобби, задумчиво провожая его взглядом. – По-моему, Апджон не возьмет тебя на экскурсию вместе с остальными мальчиками. Боюсь, ты в этом году не получишь от него подарка на Рождество и не рассчитывай, что сегодня вечером он придет в спальню заботливо поправить тебе одеяло.

Властным взмахом руки я опрокинул молочник.

– К черту Апджона, к черту его подарки и экскурсии. С какой стати папаша Глоссоп вырядился дворецким?

– Я так и знала, что ты спросишь. Я и сама собиралась тебе потом рассказать.

– Расскажи сейчас.

– Видишь ли, это была его идея.

Я сурово взглянул на нее. Бертрам Вустер ничего не имеет против, если кто-то слегка привирает, желая сделать рассказ более занимательным, но слушать бред буйнопомешанного – благодарю покорно.

– Его идея?

– Да.

– Ты думаешь, я поверю, будто в одно прекрасное утро сэра Родерика Глоссоп проснулся, посмотрел на себя в зеркало, решил, что он сегодня бледнее обычного, и сказал себе: «Пожалуй, мне нужна небольшая встряска. Не пойти ли мне в дворецкие?»

– Ну, не так, конечно... Не знаю даже, с чего начать.

– Начни сначала. Смелее, Б. Уикем, нечего ходить вокруг да около. – И я с вызывающим видом положил себе на тарелку кусок пирога.

Мой непреклонный тон явно задел ее за живое и раздул пламя, всегда тлеющее в этой багряноголовой угрозе общественному спокойствию, ибо она недовольно нахмурилась и сказала, чтобы я ради всего святого перестал пялиться на нее, как дохлая камбала.

– У меня есть полное право пялиться на тебя, как дохлая камбала, – холодно отвечал я, – и я буду пялиться столько, сколько сочту нужным. Я нахожусь в состоянии сильного нервного стресса. Если в дело замешана ты, жизнь сразу же превращается в ад, и я полагаю, что вправе требовать объяснений. Итак, я жду.

– погоди, дай мне собраться с мыслями.

Она задумалась и после непродолжительного перерыва, за время которого я доел кусок пирога, начала свой рассказ.

– Пожалуй, я начну с Апджона, потому что это он во всем виноват. Понимаешь, он вбил себе в голову, что Филлис должна выйти замуж за Уилберта Артроуза.

– Ты говоришь «вбил себе в голову»...

– Вот именно: «вбил себе в голову». А когда такой человек что-то вобьет себе в голову, другим лишь остается уступить, особенно если речь идет о такой рохле, как Филлис, которая слова не скажет папочке поперек.

– Что, совсем нет своей воли?

– Ни капли. Вот для примера: пару дней назад он возил ее в Бирмингем на представление «Чайки» Чехова, решил, что это полезно для общего развития. Хотела бы я поглядеть на того, кто заставит меня пойти на «Чайку», но Филлис только кивнула и сказала: «Хорошо, папа». Даже не попыталась возразить. Теперь видишь, сколько у нее собственной воли.

Да, это уж, признаюсь. Ее рассказ произвел на меня сильное впечатление. Я знаю, что такое чеховская «Чайка». Тетя Агата как-то попросила меня сводить ее сына Тоса на представление в «Олд Вик», и должен сказать, что необходимость напряженно следить за абсурдными действиями героев по имени Заречная и Медведенко и при этом постоянно быть начеку, чтобы вовремя пресечь попытки Тоса улизнуть из зала на волю, сделала мои страдания просто невыносимыми. Так что после рассказа Бобби я уже ни секунды не сомневался в том, что Филлис Миллис принадлежит к той категории девиц, чье жизненное кредо – «Папа лучше знает». Уилберту достаточно будет сделать предложение, и она поставит свою подпись там, где помечено галочкой, потому что так хочет Апджон.

– Твоя тетя просто в ужасе.

– Так она против?

– Еще бы она была не против! Ты же часто бываешь в Нью-Йорке и наверняка слышал об этом Уилле Артроузе.

– Да, до меня дошли слухи о его выходках. Он известен там как плейбой.

– Твоя тетка считает, что он просто чокнутый.

– По-моему, у всех этих ребят мозги набекрень. Что ж, теперь понятно, почему она против этого брака. Но, – сказал я, как всегда безошибочно выделяя суть вопроса, – это никак не объясняет присутствие папаши Глоссоба в доме моей тети.

– Очень даже объясняет. Она пригласила его наблюдать за Уилбертом.

Я опять перестал что-либо понимать.

– То есть следить за ним? Не спускать с него глаз? Но какой в этом толк?

Она нетерпеливо фыркнула.

– Он должен наблюдать за ним как врач. Ты знаешь, как работают психиатры. Внимательно следят за поведением пациентов. Вступают с ними в беседы. Незаметно проводят разные тесты. И рано или поздно...

– Кажется, понимаю. Рано или поздно он ляпнет что-то вроде того, что он чайник или папа римский, и тогда его упекут куда следует.

– Ну да, он чем-нибудь себя выдаст. Твоя тетя пожаловалась, что она просто в отчаянии, и тут меня озарило – надо пригласить Глоссоба. Ты ведь знаешь, как у меня случаются эти озарения свыше.

– Еще бы. Никогда не забуду историю с грелкой.

– Да, это хороший пример.

– Ха!

– Ты что-то сказал?

– Я сказал: «Ха!»

– Почему ты сказал «Ха!»?

– Потому что, когда я вспоминаю эту кошмарную ночь, мне хочется сказать «Ха!».

Мне показалось, она признала справедливость моих слов. Ненадолго умолкла – видимо, чтобы съесть сандвич с огурцом, – и продолжила свой рассказ:

– Поэтому я сказала твоей тете: «Я знаю, что нужно сделать. Пригласите сюда Глоссоба – и пускай он понаблюдает за Уилбертом Артроузом. Тогда вы сможете прийти к Апджону и подложить ему свинью».

Я снова перестал что-либо понимать. Насколько я помню, ни о какой свинье до сих пор речи не было.

– О чем это ты?

– Господи, какой ты бестолковый. «Ташите сюда своего друга Глоссоба, – сказала я, – и пусть он сделает свои выводы. После этого вы сможете сказать Апджону, что сэр Родерик Глоссоб, виднейший психиатр Англии, убежден, что у Уилберта Артроуза не все дома, и спросите его, правда ли, что он хочет выдать свою падчерицу за человека, который в любую минуту может пополнить список обитателей психушки?» Думаю, после этого даже у Апджона не хватит наглости настаивать на этом браке. Или ты так не считаешь?

Я тщательно взвесил ее слова.

– Пожалуй, ты права, – сказал я. – Вполне возможно, что и Апджону не чужды человеческие чувства, хотя я ни разу не имел возможности в этом убедиться, когда находился *in statu pupillari*³. Хорошо, теперь мне понятно, зачем Глоссоб приехал в Бринкли-Корт. Но почему он выступает в роли дворецкого?

– Я же тебе объяснила – это была его идея. Он сказал, что при его всемирной известности, если он объявится здесь под своим именем, это может вызвать подозрения миссис Артроуз.

– А, понимаю. Она заметит, что он наблюдает за Уилбертом, и задумается, с какой это стати...

– ...и быстро смекнет, что к чему...

– ...и завопит: «Какого черта все это значит?..»

³ В обучении (*лат.*).

– Вот именно. Ты приезжаешь погостить, а хозяйка приглашает психиатра проверить, здоров ли твой обожаемый сыночек. Какой матери такое понравится?

– Если же она заметит, что за ее сыном наблюдает дворецкий, она просто подумает: «Какой внимательный дворецкий!» Очень разумно. Поскольку дядя Том надеется заключить важную сделку с Хомером Артроузом, ни в коем случае не следует ее раздражать. Она закатит скандал Хомеру, Хомер взбеленится и скажет: «После того, что произошло, Траверс, я прекращаю переговоры», и дядя Том упустит выгодное дельце. Кстати, а в чем, собственно, оно состоит? Тетя Даля тебе рассказывала?

– Рассказывала, да я не стала вникать. Что-то насчет земли, которой где-то владеет твой дядя, а мистер Артроуз хочет ее купить и понастроить отелей и еще чего-то. Впрочем, не в том суть. Главное в том, что нам надлежит умамливать всех представителей семейства Артроуз в доме, чего бы нам это ни стоило, на этом мы должны сосредоточиться. И – никому ни слова.

– Можешь быть спокойна. Бертрам Вустер не болтун. Он умеет держать язык за зубами. Но почему вы так уверены, что Уилберт Артроуз тронутый? Мне он показался совершенно нормальным.

– А ты что, его видел?

– Мельком. На Тенистой поляне, он читал стихи этой барышне Миллис.

Мое сообщение произвело на нее сильное впечатление.

– Читал стихи? Читал стихи Филлис?

– Именно так. Странное занятие для такого типа. Комические куплеты – да. Если бы он исполнял комические куплеты, я бы еще мог это понять. Но он сыпал виршами из книжек вроде тех, что переплетают в мягкую красную кожу и продают во время рождественских праздников. Не берусь присягнуть на Библии, но стихи подозрительно смахивают на рубаи Омара Хайяма. И снова мои слова произвели на нее неизгладимое впечатление.

– Это нужно прекратить, Берти, прекратить как можно скорее. Нельзя терять ни минуты. Ты должен пойти и положить этому конец. Немедленно.

– Кто, я? Но почему я?

– Потому что за этим тебя сюда и позвали. Разве тетя тебе не сказала? Она хочет, чтобы ты как тень следовал за Уилбертом Артроузом и Филлис. Твоя задача состоит в том, чтобы не дать ему возможности сделать ей предложение.

– Ты хочешь сказать, что я должен повсюду таскаться за ними, вроде частного детектива или полицейского шпика? Мне это не по вкусу.

– Вовсе не обязательно, чтобы тебе было по вкусу, – отрезала Бобби. – Просто делай, что тебе велят.

Глава 5

Всю жизнь я был послушной игрушкой в руках слабого пола и поэтому скрепя сердце пошел и положил конец идиллии на Тенистой поляне, как мне было велено. Но на душе у меня было скверно – мало приятного, когда на тебя смотрят, как на назойливую муху, а именно так воспринимал меня Уилберт Артроуз. К моменту моего появления он уже покончил с художественным словом и, взяв Филлис за руку, по всей видимости, говорил ей – или собирался сказать – нечто очень личное и интимное. Услышав мое бодрое «Эй, там», он обернулся, поспешно выпустил из рук девичью лапку и метнул на меня взгляд, очень похожий на тот, которым недавно одарил меня Обри Апджон. Он пробормотал себе под нос, что кто-то – я не расслышал, кто именно, – по-видимому, нанялся сюда сторожем.

– Это опять вы? – сказал он.

Увы, это был опять я. Отрицать это было бы бесполезно.

– Не знаете, чем себя занять? – сказал он. – Почему бы вам не посидеть где-нибудь и не почитать хорошую книжку?

Я объяснил, что просто заскочил сказать, что на лужайке возле дома уже накрыт чай.

– О Господи! – взволнованно пискнула Филлис. – Мне надо бежать. Папа не любит, когда я опаздываю к чаю. Он считает, что это невежливо по отношению к старшим.

Я видел, что с губ Уилберта Артроуза готовы сорваться слова о том, куда, по его мнению, мог бы пойти ее папа вместе со своими взглядами на вежливость по отношению к старшим, но огромным усилием воли он заставил себя сдержаться.

– Пойду погуляю с Крошкой, – сказал он и свистнул собаке, которая обнюхивала мои ноги, наслаждаясь изысканным ароматом Вустеров.

– Так вы не идете пить чай?

– Нет.

– Сегодня горячие булочки.

В ответ он лишь возмущенно фыркнул и широко зашагал прочь в сопровождении низкобрюхого пса, оставив меня с ощущением, что и от него мне вряд ли грозит подарок на Святки. Весь его вид красноречиво свидетельствовал, что мне не удалось расширить круг моих друзей. С таксами у меня никогда не бывает проблем, но попытка подружиться с Уилбертом Артроузом с треском провалилась.

Когда мы с Филлис пришли на лужайку, то, к нашему удивлению, застали за столом только Бобби.

– А где папа? – спросила Филлис.

– Он неожиданно решил уехать в Лондон, – ответила Бобби.

– В Лондон?

– Во всяком случае, так он сказал.

– Но что случилось?

– Понятия не имею.

– Пойду поговорю с ним, – сказала Филлис и упорхнула прочь.

Бобби на минуту задумалась.

– Знаешь, что мне кажется, Берти?

– Что?

– Когда Апджон ушел из-за стола, он был просто в ярости, при этом в руках у него был свежий номер «Рецензий по четвергам». Видимо, прислали с дневной почтой. Он наверняка прочел отзыв Реджи на его книгу.

Вполне правдоподобно. Среди моих знакомых немало писателей (Боко Фиттлуорт – первое имя, которое приходит на ум), и все они неизменно дрожат от ярости, когда читают разгромные отзывы на свои опусы.

– Так ты знаешь про Селедкину статью?

– Да, Реджи мне как-то ее показывал.

– Насколько я понял, очень язвительная штука. Но это не повод мчаться в Лондон.

– Вероятно, Апджон решил узнать у главного редактора, кто написал заметку, и наказать автора хлыстом на ступеньках клуба. Но, разумеется, ему никто ничего не скажет, а так как статья без подписи... А, добрый день, миссис Артроуз.

Последние слова были обращены к высокой тощей даме с хищным ястребиным лицом, похожей, по моим представлениям, на Шерлока Холмса. На носу у нее темнело чернильное пятно – результат работы над остросюжетным романом. Совершенно невозможно написать остросюжетный роман и при этом не испачкать нос чернилами. Спросите у Агаты Кристи или у кого хотите.

– Закончила очередную главу и решила прерваться и выпить чашку чая, – сказала романистка. – Перерабатывать тоже не годится.

– Совершенно верно. Всегда лучше уйти, пока счет в твою пользу. Это племянник миссис Траверс – Берти Вустер, – сказала Бобби, как мне показалось, извиняющимся тоном. Один из многочисленных недостатков Роберты Уикем состоит в том, что когда она представляет меня людям, то делает это с таким видом, словно знакомство со мной – позорный факт ее биографии, о котором она предпочла бы умолчать. – Берти большой ваш поклонник, – добавила она, и совершенно напрасно, поскольку Артроузиха тотчас же встрепенулась, как старая полковая княжна, заслышавшая звук кавалерийской трубы.

– Вот как?

– Нет больше удовольствия, чем устроиться на весь вечер в кресле с одной из ваших замечательных книг, – сказал я, надеясь, что она не станет допытываться, какая из ее книг мне особенно нравится.

– Когда я сказала ему, что вы здесь, он просто прыгал от радости.

– Приятно слышать. Я всегда рада знакомству с читателями. А какая из моих книг вам особенно нравится?

Не успел я промычать: «Ну... э-э-э...», одновременно обдумывая – впрочем, без особой надежды на успех, – удовлетворит ли ее такой ответ, как «все без исключения», как появился папаша Глоссоп, неся на подносе телеграмму для Бобби. Скорее всего от ее матери, где она сообщает новые эпитеты, которыми забыла наделить меня в своих предыдущих посланиях. А может быть, еще раз подтверждает свое прежнее убеждение в том, что я имбецил, и теперь, когда я достаточно поразмыслил, это скорее всего означает «простофиля» или «тупица».

– Спасибо, Макпалтус, – сказала Бобби и взяла телеграмму.

Слава Богу, что на этот раз в руках у меня не было чашки с чаем, потому что, когда я услышал, как она назвала сэра Родерика, я опять непроизвольно вздрогнул, и, будь упомянутая чашка у меня в руках, я бы, подобно идущему по полю сеятелю, расплескал ее содержимое во все стороны. А так я ограничился тем, что метнул сэндвич с огурцом в воздух.

– Ох, извините, – сказал я, когда сэндвич просвистел всего в дюйме от виска Артроузихи.

Можно было не сомневаться, что Бобби тотчас же вмешается в разговор. Эта барышня просто не в состоянии удержаться от комментариев.

– Простите его, пожалуйста, – сказала она. – Мне следовало вас предупредить: Берти готовится выступать в соревнованиях по метанию сэндвичей с огурцом на следующих Олимпийских играх. Так что ему надо постоянно тренироваться.

Мамаша Артроуз задумчиво наморщила лоб – казалось, она не вполне удовлетворена объяснением Бобби. Но из дальнейших слов стало понятно, что ее не столько интересуют мои

недавние действия, сколько поведение Макпалтуса. Она проводила его пристальным взглядом и, когда он скрылся из виду, спросила:

– Этот дворецкий миссис Траверс. Вы не знаете, мисс Уикем, где она его нашла?

– Как обычно – в ближайшем зоомагазине.

– Он представил рекомендации?

– Да, разумеется. Он много лет проработал у сэра Родерика Глоссоба, знаменитого психиатра. Миссис Траверс мне говорила, что сэр Родерик дал ему превосходнейшие рекомендации, они на нее произвели очень сильное впечатление.

Мамаша Артроуз презрительно хмыкнула:

– Рекомендации можно подделать.

– Боже милостивый! С чего это у вас такие мысли?

– Что-то мне в нем не нравится. У него лицо преступника.

– Ну, знаете, то же самое можно сказать и о Берти.

– Думаю, нужно предупредить миссис Траверс. В моем романе «Чернее ночи» дворецкий оказался членом шайки грабителей, он специально нанялся на службу, чтобы помочь своим сообщникам проникнуть в дом. У них это называется «kozyрной валет в прикупе». Подозреваю, что Макпалтус здесь с той же целью, хотя, разумеется, он может действовать и в одиночку. В одном я уверена твердо: он – не настоящий дворецкий.

– Но какие у вас основания так думать? – спросил я, утирая носовым платком внезапно вспотевший лоб. Этот разговор мне совсем не нравился. Стоит Артроузихе усомниться в том, что сэр Родерик Глоссоб настоящий дворецкий, как все пойдет прахом. Она начнет разнюхивать и наводить справки, и не успеешь оглянуться, как докопается до правды. И тогда дяде Тому придется распрощаться с мыслью о легких деньжатах, которые он рассчитывал заграбастать. Сколько я его знаю, всякий раз, когда ему не удается наложить лапу на проплывающую поблизости наличность, он впадает в глубокое уныние. Дело не в том, что он такой жадный. Просто он бескорыстно любит денежки.

Видно было, что мой вопрос ее обрадовал.

– Я вам скажу, какие у меня основания так думать. Его непрофессионализм выдает его на каждом шагу. Например, сегодня утром я видела, как он пустился в долгую беседу с Уилбертом. Настоящий дворецкий так никогда бы не поступил. Он счел бы это слишком большой вольностью.

– Совсем не обязательно, – решительно возразил я. – Позволю себе не согласиться с вашим тезисом, если я правильно понимаю значение слова «тезис». Я провел много счастливейших часов в беседах с дворецкими, и почти во всех случаях они сами вступали со мной в разговор. Они приходили ко мне и часами рассказывали о своем ревматизме. Я не нахожу в Макпалтусе ничего подозрительного.

– Это оттого, что вы не изучали криминалистику, а я изучала. У меня наметанный глаз, и моя интуиция меня ни разу не подвела. Этот человек явно замыслил недоброе.

Я видел, что Бобби начинает тихо закипать, но она взяла себя в руки и не позволила паре вырваться. Следует заметить, что Бобби с большой любовью относится к Т. Портарлингтону Траверсу, ведь тот как две капли воды похож на ее жесткошерстного терьера, который сейчас машет хвостиком на небесах, но прежде был для нее дороже всех на свете, и, видимо, ради его светлой памяти Бобби готова ни в чем не перечить Артроузихе и обращаться с ней как с посылкой, на которой написано: «Осторожно, стекло». Она заворковала, словно лесная горлица, которая обращается к другой лесной горлице с тайной надеждой стрелнуть у нее несколько фунтов.

– А вы не думаете, миссис Артроуз, что все это лишь плод вашего воображения? Ведь у вас такое богатое воображение. Берти на днях говорил, что он просто не понимает, как вам такое удается. Я имею в виду, создавать все эти удивительные образы. Верно, Берти?

– Точно. Мои слова.

– А когда у человека богатое воображение, он не может не воображать. Правда, Берти?

– Да, это чертовски трудно.

Но ее медоточивые речи ни к чему не привели. Артроузиа уперлась, как валаамова ослица, о которой вы, несомненно, слышали.

– Никакое это не воображение, я уверена, дворецкий что-то замышляет, – с раздражением сказала она. – И мне кажется, нетрудно догадаться, что именно. Разве вы забыли, что у мистера Траверса одна из лучших коллекций старинного серебра в Англии?

Это правда. Видимо, в силу какого-то изъяна в одном из полушарий мозга дядя Том начал собирать старинное серебро, когда я еще под стол пешком ходил. Думаю, что содержимое комнаты на нижнем этаже, где он держит свои сокровища, потянет на кругленькую сумму. Я хорошо знаком с его коллекцией не только потому, что мне часами приходилось слушать его разглагольствования о канделябрах, листовых орнаментах, горельефах в виде венков и романских орнаментах в виде овалов; к этой коллекции я имею, можно сказать, личное отношение, поскольку однажды украл для нее сливочник восемнадцатого века в виде коровы. (Это длинная история. Сейчас нет времени рассказывать. Можете прочитать о ней в архивах.)

– Миссис Траверс на днях показывала коллекцию Уилли, и она произвела на него неизгладимое впечатление. Уилли ведь сам собирает старинное серебро.

С каждой минутой я все больше терялся, пытаюсь составить себе представление об У. Артроузе. Характер, не поддающийся классификации, в жизни не встречал ничего подобного. Сначала поэтические экзерсисы, теперь вот старинное серебро. Я всегда считал, что плейбоям все до лампочки, кроме блондинок и выпивки. Это лишний раз доказывает, что половина человечества не знает, как живут остальные три четверти.

– Он сказал, что в коллекции мистера Траверса есть экспонаты, за которые он готов продать душу дьяволу. Особенно ему нравится сливочник восемнадцатого века в виде коровы. Так что внимательно следите за дворецким. Уж я-то точно с него глаз не спущу. Что ж, – сказала Артроузиа и поднялась из-за стола. – Пора возвращаться в рудники. Всегда стараюсь набросать новую главу до конца рабочего дня.

Она резвым аллюром унеслась в сторону дома, и за столом воцарилась тишина.

– Ну и ну, – наконец выдохнула Бобби, и я согласился, что ничего другого в данной ситуации не скажешь.

– Нужно срочно отослать Глоссопа, – сказал я.

– Но каким образом? Решать тете, а она уехала.

– Тогда я сам отсюда сметаюсь. В здешнем оркестре чересчур громко звучит тема гибельного рока. Бринкли-Корт, некогда мирный загородный дом, превратился в мрачную обитель из новелл Эдгара Аллана По – просто мурашки по коже. Так что я уезжаю.

– Ты не имеешь права сбежать до возвращения тети. Должен же кто-то остаться за хозяйка или за хозяйку, а мне просто необходимо уехать завтра домой, надо поговорить с мамой. Тебе остается только стиснуть зубы и терпеть.

– А на сильнейший нервный стресс, который я при этом испытаю, тебе, разумеется, наплевать?

– Абсолютно. Только пойдет тебе на пользу. Раскрывает поры.

Я бы наверняка сказал ей в ответ что-нибудь убийственное, если бы нашелся, что сказать, но, поскольку ничего в голову не пришло, я ничего и не сказал.

– А где остановилась тетя Далия? – спросил я.

– Отель «Ройял», Истбурн. А что?

– А то, – сказал я и взял еще один сэндвич с огурцом, – что завтра же непременно позвоню ей с утра и расскажу, что творится в этом бедламе.

Глава 6

Не помню уж, с чего тогда зашел разговор, но Дживс однажды заметил, что «сон животворящий распутает клубок дневных забот». «Бальзам больной души» – так он тогда выразился. В том смысле, если я правильно понял, что, когда дела идут из рук вон, жизнь может снова показаться сносной после восьмичасовой отключки.

По-моему, все это чепуха на постном масле. Мне сон редко помогает, не помог и на этот раз. Я отправился на покой с самыми мрачными предчувствиями, но когда я, выражаясь высоким стилем, открыл глаза навстречу новому дню, то ситуация, сложившаяся в Бринкли-Корте, показалась мне еще более безнадежной. Кто знает, спрашивал я себя за завтраком, отставив в сторону почти не тронутое яйцо всмятку, что сумела раскопать мамаша Артроуз? И кто может поручиться, что в самом скором времени Уилберт не почувствует, что сыт по горло моей назойливостью, и просто не накустыляет мне по шее? Уже сейчас весь его вид выдает человека, которого тошнит от общества Бертрама Вустера и который, в случае если последний снова вздумает мозолить ему глаза, вынужден будет принять решительные и адекватные меры.

Погруженный в столь невеселые мысли, я во время обеда ел без всякого аппетита, хотя Анатолий в который раз превзошел самого себя. Я вздрагивал всякий раз, как Артроузиха бросала подозрительный взгляд на папашу Глоссоба, суетившегося у буфетной стойки, а уж от долгих влюбленных взглядов, которыми ее сын Уилберт одарял Филлис, у меня просто мороз пробегал по коже. После обеда он скорее всего пригласит барышню прогуляться с ним на Тенистую поляну, и напрасно надеяться, что он не испытает раздражения или даже глубокой обиды, когда я снова составлю им компанию.

К счастью, когда мы поднялись из-за стола, Филлис сказала, что пойдет к себе печатать речь для папочки, и я ненадолго успокоился – во всяком случае, по этому поводу. Даже нью-йоркский плейбой, привыкший с пеленок гоняться за блондинками, вряд ли решится последовать за ней и строить куры в ее комнате.

Видимо, осознав, что ничего конструктивного в этом направлении ему сейчас предпринять не удастся, он задумчиво объявил, что пойдет прогуляться с Крошкой. Это, как я понял, был его излюбленный способ смягчать горечь разочарования, и весьма удачный, должен заметить, с точки зрения пса, которому необходимы движение и смена впечатлений. Они тотчас же отправились в путь и вскоре скрылись из глаз: пес – резвясь и играя, он – правда, не резвясь, но то и дело нервно рассекая тростью воздух с видом сильного возбуждения; а я, решив, что это будет самым уместным при данных обстоятельствах, выбрал в библиотеке тетушки Далии один из романов мамаша Артроуз и устроился в шезлонге на лужайке. И, несомненно, получил бы от чтения массу удовольствия, ибо миссис Артроуз прекрасно владеет пером, если бы меня не разморило от жары и я не погрузился в сладкий послеобеденный сон на середине второй главы.

Когда я проснулся и проверил, не распутался ли за это время клубок дневных забот – а он, увы, не распутался, – меня позвали к телефону. Я поспешил к аппарату и услышал на другом конце провода громовые раскаты голоса тетушки Далии:

– Берти?

– Он самый.

– Какого дьявола ты так долго тащишься к телефону? Уже целый час я прижимаю к уху эту чертову трубку.

– Извините, я летел как ветер, просто я был в саду, когда вы позвонили.

– Небось дрых после обеда?

– Не исключено, что на минутку прикрыл глаза.

– У тебя по-прежнему одно обжорство на уме.

– Я всегда полагал, что в это время суток принято подкреплять себя некоторым количеством пищи, – сухо сказал я. – Как Бонзо?

– Лучше.

– А что с ним?

– Корь, но сейчас он уже вне опасности. Слушай, что у вас там стряслось? Почему ты просил меня позвонить? Захотелось услышать голос любимой тетушки?

– Я всегда рад слышать голос любимой тетушки, но на этот раз у меня более серьезные и веские причины. Думаю, вы должны знать о тайных силах, угрожающих вашему дому.

– Что еще за тайные силы?

– Во-первых, мамаша Артроуз. Развернула бурную деятельность. Она подозревает.

– Что подозревает?

– Папашу Глоссоба. Говорит, ей не нравится его лицо.

– На себя бы посмотрела!

– Она думает, он не настоящий дворецкий.

Тут у меня чуть не лопнула барабанная перепонка, и я заключил, что тетушка весело рассмеялась в ответ.

– Ну и пусть думает.

– Вас это не тревожит?

– Нисколько. А что она может сделать? Все равно Глоссоб через неделю уедет. Он сказал, что за неделю составит мнение относительно Уилберта. Так что Адела Артроуз меня совершенно не тревожит.

– Ну ладно, вам виднее, но мне кажется, она может что-нибудь выкинуть.

– Не выкинет. Что еще?

– Проблема «Уилберт Артроуз – Филлис Миллс».

– А, это другое дело. Это действительно важно. Бобби тебе сказала, что ты должен прилепиться к нему, как...

– Верная жена? «И прилепится жена к мужу своему...»

– Я хотела сказать, как лейкопластырь, но пусть будет по-твоему. Она объяснила тебе, в чем дело?

– Да, и именно этот вопрос я и хотел провентилировать.

– Хотел что?

– Провентилировать.

– Что ж, давай вентилируй.

Поскольку я достаточно долго анализировал эту проблему, мобилизовав всю мощь собственного Вустерам интеллекта, мне не составило ни малейшего труда изложить вопрос по пунктам. Поэтому я заговорил как по писаному:

– Чем больший путь проходим мы по дороге жизни, любимая родственница, тем яснее становится, что мы должны стараться принимать во внимание точку зрения противоположной стороны, в качестве которой в данном случае выступает Уилберт Артроуз. Приходило ли вам когда-либо в голову встать на место Уилберта Артроуза и спросить себя, понравится ли ему, что за ним кто-то постоянно ходит по пятам? Ведь он же не Мэри.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что он не Мэри. Это Мэри нравилось, что за ней все время кто-то таскается.

– Берти, по-моему, ты здорово набрался.

– Ничего подобного.

– Скажи: «На дворе трава, на траве дрова».

Я сказал.

– А теперь скажи: «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Я легко справился и с кораблями.

– Да нет, ты вроде в порядке, – нехотя признала она. – Тогда почему ты плетешь про какую-то Мэри? Что еще за Мэри?

– Не могу сообщить вам ее фамилию и адрес. Я имею в виду маленькую девочку. «У нашей Мэри есть баран, собаки он верней. В грозу, и в бурю, и в туман баран бредет за ней». Не стану утверждать, что «собаки я верней», но я таскаюсь повсюду, куда бы ни пошел Уилберт, и мне очень интересно знать, чем все это кончится. Ему осточертело мое постоянное присутствие.

– Он тебе об этом сказал?

– Нет, но он бросает на меня злобные взгляды.

– Пусть бросает. Меня ему не запугать.

Я понял, что она не улавливает сути проблемы.

– Разве вы не видите, какими это нам угрожает последствиями?

– Ты, кажется, говорил, что нам угрожают тайные силы?

– И последствия. Я хочу сказать, что, если я не прекращу это лейкопластыревое преследование, рано или поздно он неизбежно решит, что действия убедительнее слов, развернется и вlepит мне хорошую плюху. А в этом случае у меня не будет иной альтернативы, как развернуться и вlepить плюху ему. У Вустеров есть гордость. А уж если я кого-то двину, так двину.

В знак своего глубокого возмущения тетушка взревела, как пароходная сирена.

– И думать не смей, иначе тебе доставят мое проклятие на дом с курьерской почтой. Затеешь с ним драку, и я вырежу у тебя на груди мои инициалы кухонным ножом. Подставь ему другую щеку, дуралей. Адела Артроуз никогда не простит мне, если мой племянник вздует ее сына. Она побежит к мужу...

– И тогда накроется сделка дяди Тома. Об этом-то я вам и толкую. Если кому-то суждено поколотить Уилберта Артроуза, это должен сделать человек, не имеющий отношения к семье Траверс. Нужно срочно найти замену Бертраму.

– Ты предлагаешь мне нанять частного детектива?

– Теперь их принято называть «агентами». Но я не о них. Вы должны пригласить сюда Селедку. Он возьмет на себя мою работу и будет таскаться за Уилбертом по пятам, а если Уилберт ему врежет и он в ответ врежет Уилберту, это не будет иметь никакого значения, поскольку Селедка – человек посторонний. Да и вряд ли Уилберту придет в голову поднять на него руку, уже один вид Селедки внушает должное почтение – загорелые мускулистые ручищи, как две стальные балки, боксерское ухо.

Она молчала, нетрудно было догадаться, что она обдумывает мои слова «и умом проворным сомнению подвергает так и этак», как выражается в таких случаях Дживс. Когда она вновь заговорила, в ее голосе звучало уважение.

– Знаешь, Берти, бывают минуты – нечасто, конечно, – когда твой интеллект приближается к разуму человека. Отличная мысль! Я и не подумала про Сельдинга. Думаешь, он придет?

– Только позавчера он мне сам говорил, что мечтает напроситься к тебе в гости. Воспоминания о кулинарных изысках Анатоля все еще свежи в его памяти.

– Пошли ему телеграмму. Можешь позвонить на почту и продиктовать. Подпиши моим именем.

– Будет сделано.

– Скажи, пусть все бросит и приезжает немедленно.

Она дала отбой, и я уже собрался набросать текст телеграммы, как вдруг почувствовал непреодолимое желание немедленно пропустить рюмочку, такое нередко случается с человеком, только что испытавшим сильное облегчение. Или, как выразился бы Дживс, осушить «кубок, льющий теплый юг». Поэтому я нажал кнопку звонка и уселся в кресло. Через некоторое время дверь отворилась, и предо мной предстала округлая фигура с лысым черепом и

кустистыми бровями. Я вздрогнул от неожиданности. Забыл, что в нынешних обстоятельствах, если вызываешь дворецкого в Бринкли-Корте, на сцене неизбежно появляется сэр Родерик Глоссоп.

Не так-то легко вступить в беседу с человеком, представляющим собой помесь специалиста по психическим расстройствам с дворецким, особенно если ваши отношения в прошлом были не слишком дружескими, поэтому я растерялся и не знал, с чего начать. Я жаждал промочить горло – как «лань желает к потокам воды», но если вы просите дворецкого принести вам виски с содовой, а он по совместительству еще и знаменитый психиатр, вполне возможно, что он встанет в позу и испепелит вас взглядом. Все зависит от того, какая из двух его ипостасей возобладает в данную минуту. Поэтому я испытал облегчение, увидев, что он мне приветливо улыбается и явно рад возможности поболтать с Бертрамом Вустером. Я решил, что, если держаться подальше от воспоминаний о грелках, все может пройти наилучшим образом.

– Добрый день, мистер Вустер. Рад, что нам наконец представилась возможность поговорить наедине. Но, возможно, мисс Уикем уже успела вам все объяснить? Ага, успела. Тогда все в порядке, и я могу не опасаться, что вы случайно меня выдадите. Вы ведь понимаете, что миссис Артроуз ни в коем случае не должна заподозрить истинной цели моего пребывания в доме.

– Само собой... Молчание и тайна, верно? Если она догадается, что вы наблюдаете за ее сыном, чтобы выяснить, действительно ли у него шариков в голове не хватает, она ведь может обидеться или даже возмутиться до глубины души.

– Совершенно с вами согласен.

– Ну и как, что-то проклюнулось?

– Простите?

– Я про ваши наблюдения. Удалось вам углядеть какие-нибудь признаки того, что он слетел с катушек?

– Если вы подразумеваете, составил ли я уже определенное мнение относительно вменяемости Уилберта Артроуза, я отвечу – нет. Как правило, мне бывает достаточно одной беседы с пациентом, чтобы дать однозначный ответ, но в случае молодого Артроуза я все еще не могу ничего сказать наверняка. С одной стороны, мы знаем его «послужной список».

– Бомбы со зловонным газом?

– Совершенно верно.

– Размахивает «кольтом» в банках.

– Правильно. И другие выходки, которые указывают на психическую неуравновешенность. Вне всякого сомнения, Уилберт Артроуз – личность эксцентрическая.

– Но, по вашему мнению, мерку для смиренной рубашки снимать еще рано?

– Я бы предпочел продолжить наблюдения.

– Дживс упоминал о некоем факте из жизни Уилберта Артроуза, о котором ему кто-то рассказал, когда мы были в Нью-Йорке. Возможно, это могло бы пролить свет.

– Вполне вероятно. А что это за факт?

– Он забыл.

– Жаль. Но возвращаясь к нашему разговору: события его прежней жизни свидетельствуют о глубоко укоренившемся неврозе или даже шизофрении, но в разговоре симптомы этих заболеваний никак не проявляются. Вчера утром я имел с ним весьма продолжительную беседу, и он произвел на меня впечатление очень умного человека. Он интересуется старинным серебром и с восхищением расхваливал сливочник в виде коровы работы восемнадцатого века из коллекции вашего дяди.

– А он не говорил, что он сам – сливочник?

– Нет, разумеется.

– А может, он просто маскируется?

– Простите?

– Я хочу сказать, затаился на время. Хочет усыпить нашу бдительность. А потом, рано или поздно, покажет свое истинное лицо. Эти типы с глубоко укоренившимися невротами бывают ужасно хитрыми.

Он с неодобрением покачал головой:

– Никогда не следует делать поспешных выводов, мистер Вустер. Мы не должны судить предвзято. Никогда не мешает как следует взвесить факты. Я думаю, вы не забыли, как однажды я поторопился при оценке вашего психического состояния. Эти двадцать три кошки в вашей спальне...

Я густо покраснел. История произошла несколько лет назад, и, на мой взгляд, стоило давно предать ее забвению.

– Но все же потом разъяснилось.

– Совершенно верно. Мне доказали, что я был не прав. Именно поэтому я и говорю, что в случае Уилберта Артроуза не стоит торопиться с выводами. Мне нужны дополнительные факты.

– Чтобы их взвесить?

– Да, если вам угодно, чтобы их взвесить. Но вы звонили, мистер Вустер. Чем могу служить?

– Честно говоря, я хотел виски с содовой, но мне неловко вас беспокоить.

– Дорогой мистер Вустер, вы забываете, что в этом доме я – пусть на время – дворецкий, и, надеюсь, добросовестный дворецкий. Я принесу вам виски немедленно.

Когда он ушел, я задумался: не сказать ли ему о том, что миссис Артроуз тоже занимается взвешиванием фактов о нем самом, и решил, что лучше не стоит. Зачем смущать его душевный покой? Хватит с него и того, что приходится откликаться на такое имя, как Макпалтус. Если навалить еще новых забот, он совсем с лица спадет.

Вернувшись, он принес мне не только кубок, льющий теплый юг, к которому я с благодарностью тут же припал, но и письмо, пришедшее с дневной почтой. Утолив жажду, я взглянул на конверт и увидел, что письмо от Дживса. Я распечатал его без особого интереса, думая, что он просто сообщает мне, что благополучно добрался до места и выражает надежду, что письмо застало меня в таком же добром здравии, в каком оно оставило его самого. Словом, обычная чепуха.

Но оказалось, что далеко не чепуха. Едва пробежав письмо глазами, я невольно охнул, отчего папаша Глоссоп взглянул на меня с интересом.

– Плохие новости, мистер Вустер? Надеюсь, ничего страшного?

– Смотря что считать плохой новостью. Сенсационная новость – уж это точно. Это от Дживса, моего слуги, он сейчас ловит креветок в Херн-Бей, и письмо его проливает ослепительный свет на частную жизнь Уилберта Артроуза.

– В самом деле? Чрезвычайно интересно.

– Начну с того, что, когда Дживс уезжал в отпуск, у нас зашел разговор об У. Артроузе, поскольку тетя Далия сказала мне, что он – один из ее гостей, и мы подробно его обсуждали. Перемысливали косточки, как водится. Так вот, перед тем как уйти, Дживс и обронил то важное замечание, о котором я только что упоминал, насчет того, что он что-то слышал про Уилберта, а потом забыл.

«Если вспомню – напишу», – сказал он мне. И, черт меня подери, вспомнил. Знаете, что он пишет в этом послании? Угадайте с трех раз.

– Полагаю, сейчас не время для игры в угадайку.

– Вы правы, хотя я эту игру очень люблю. Так вот, он пишет, что Уилберт Артроуз... Господи, опять забыл это слово, – я заглянул в письмо, – ну да, клептоман. А это означает – на случай, если вы не знакомы с этим термином – субъекта, который крадет все, что подвернется под руку.

- Боже милостивый!
- Я бы даже сказал: «Будь я проклят!»
- Мне и в голову не приходило...
- Я же говорил, что это маскировка. Наверное, они и за границу-то его из-за этого увезли.
- Вне всякого сомнения.
- Не учили, что в Англии тоже есть чего свистнуть, не меньше, чем в Америке. Вы ни о чем сейчас не подумали?
- Разумеется, подумал. О коллекции вашего дяди.
- И я тоже.
- Это сильное искушение для несчастного молодого человека.
- Не уверен, что он так уж несчастен. Готов поспорить, кражи доставляют ему удовольствие.
- Нужно немедленно пойти проверить коллекцию. Может быть, что-то уже пропало.
- Боюсь, что там остались лишь голые стены. Их просто не унесешь.

Нам потребовалось время, чтобы добраться до комнаты, где хранилась коллекция, ибо папаша Глоссоп был скроен скорее с расчетом на устойчивость, чем на скорость, но в конце концов мы туда доплыли, и моим первым чувством, когда я оглядел помещение, было облегчение, потому что вся серебряная рухлядь, казалось, была *in statu quo*⁴. И только после того, как папаша Глоссоп выдохнул «уфф» и вытер пот со лба после быстрой ходьбы, я обнаружил недостачу.

Сливочник в виде коровы исчез.

⁴ Здесь: на месте (*лат.*).

Глава 7

Для тех, кому интересно, спешу сообщить, что сливочник представлял собой серебряный сосуд, или кувшинчик, или как там еще называют емкости подобной формы, выполненный почему-то в виде коровы с задранной дугой хвостом и физиономией малолетней преступницы, на которой ясно было написано, что она задумала во время следующей дойки засветить хозяйке копытом промеж глаз. На спине у нее открывалась крышка на петлях, а кончик хвоста касался хребта, образуя что-то вроде ручки, за которую это сооружение надлежало держать при разливании сливок. Для меня всегда оставалось загадкой, как может нравиться подобное уродство, но, по-видимому, в восемнадцатом веке такие сливочники шли на ура, да и в наше время дядя Том от него просто без ума, так же, как и Уилберт – если верить показаниям свидетеля Глоссоба. Ну да о вкусах не спорят.

Впрочем, дело не в том, нравится кому-то это страшилище или нет, а в том, что корова бесследно исчезла, и я уже собирался поставить об этом в известность папашу Глоссоба и выяснить его просвещенное мнение по этому поводу, как в комнату вошла Бобби Уикем. Она уже приготовилась к отъезду и сменила рубашку и шорты на дорожное платье.

– Всем привет, – сказала Бобби. – Как жизнь? Чего это ты такой взъерошенный, Берти? Что стряслось?

– Я скажу тебе, что стряслось, – прямо в лоб брякнул я. – Ты знаешь коровий сливочник дяди Тома?

– Нет. Что это за штука?

– Это такой кувшинчик для сливок, безобразный до ужаса, но чертовски дорогой. Можно без преувеличения сказать, что дядя Том бережет его как зеницу ока. Просто души в нем не чают.

– Ну и на здоровье.

– Оно, конечно, так, только чертова штуковина пропала.

Тишину летнего дня нарушил звук, похожий на гудение шмеля, который пытается выбраться из бутылки. Это зажужжал папаша Глоссоб. Глаза у него округлились, нос начал подергиваться, и можно было легко догадаться, что эта новость подействовала на него, как удар по основанию черепа носком, в который предварительно набили мокрый песок.

– Пропала?

– Да.

– Вы в этом уверены?

Я сказал, что уверен, потому что, как вы знаете, так оно и было.

– Может быть, вы просто его не заметили?

– Такую штуку нельзя не заметить.

Он снова зажужжал.

– Но это же ужасно!

– Хуже не придумаешь, согласен.

– Ваш дядя будет страшно огорчен.

– Да он будет реветь от горя как белуга.

– Почему именно как белуга?

– Этого я вам сказать не могу, но то, что заревет, – гарантирую.

По выражению, появившемуся на лице Бобби, пока она слушала наш диалог, можно было догадаться, что от нее ускользает суть разговора. Как будто мы говорим на суахили.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Как это – пропала?

– Ее украли.

– В загородных домах не бывает краж.

– Бывают, если появится Уилберт Артроуз. Он же кле... кле... ну, как там это называется, – сказал я и протянул ей письмо Дживса. Она с большим интересом его изучила и, когда смысл послания до нее дошел, воскликнула: «Чтоб мне провалиться со всеми потрохами!» – добавив, что в наше время можно ждать чего угодно. «Но, с другой стороны, – сказала она, – это нам на руку».

– Теперь, сэра Родерик, вы сможете с полным основанием подтвердить, что он и вправду чокнутый.

Последовала пауза, во время которой папаша Глоссоп, по-видимому, взвешивал ее слова и скорее всего сравнивал с У. Артроузом других чокнутых, которых ему доводилось встречать на протяжении долгой лечебной практики.

– Вне всякого сомнения, его метаболизм чрезмерно подвержен стрессам, возникающим вследствие взаимодействия внешних раздражителей, – произнес он, и Бобби с покровительственным видом похлопала его по плечу, на что я ни за что не отважился бы, хотя наши отношения, как я уже упоминал, стали гораздо более сердечными, чем прежде, и заявила, что лучше не скажешь.

– Ну вот, давно бы так! Повторите эти слова миссис Траверс, когда она вернется. Тогда у нее будут все козыри на руках в этой истории с Уилбертом и Филлис. У нее наконец появится аргумент, чтобы заявить протест против заключения брака. «А что вы скажете насчет его метаболизма?» – спросит она, и Апджону нечем будет крыть. Так что все прекрасно.

– Все, – уточнил я, – кроме того, что дядя Том лишился зеницы ока.

Она задумчиво закусила губу.

– Да, верно. Здесь ты прав. Какие мы можем принять меры?

Она взглянула на меня, и я сказал, что не знаю, и тогда она взглянула на папашу Глоссопа, и он тоже сказал, что не знает.

– Ситуация чрезвычайно деликатная. Вы со мной согласны, мистер Вустер?

– На все сто.

– При сложившихся обстоятельствах ваш дядя не может просто пойти к этому молодому человеку и потребовать вернуть похищенную собственность. Миссис Траверс со всей недвусмысленностью подчеркнула, что следует соблюдать величайшую осторожность, чтобы не нанести мистеру и миссис Артроуз...

– ...обиды?

– Я собирался сказать «оскорбления».

– Можно и так. Что в лоб, что по лбу.

– А они, вне всякого сомнения, почувствуют себя оскорбленными, если их сына обвинят в краже.

– Да это все равно что раскрыть красный зонтик прямо перед мордой быка. Они прекрасно знают, что Уилберт воришка, но кому понравится, когда об этом говорят другие.

– Вот именно.

– Тактичный человек не станет заикаться об этом в их присутствии.

– Совершенно верно. Решительно не представляю себе, что тут можно сделать. Я в полном недоумении.

– И я тоже.

– Зато я – нет, – сказала Бобби.

Я затрепетал, как испуганный... как его... ну, не важно, кто бы там ни был. В ее голосе мое многоопытное ухо различило то особенное оживление, по которому я безошибочно догадался, что она опять что-то затевает. Я понял, что сейчас она предложит нам план, в результате которого не только содрогнется потрясенное человечество и луна окрасится в цвет крови, но и некий несчастный – я имел все основания подозревать, что этим несчастным буду я, – окажется ввергнутым в то, что Шекспир называл «целым морем бед», если это, конечно, Шекспир.

Мне доводилось слышать это оживление в ее голосе и прежде, например в ту ночь, когда она, вложив в мою длань шило, объясняла, где находится грелка сэра Родерика Глоссоба. Многие придерживаются мнения, что Роберту, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдинг-Холла, графство Хартфордшир, нельзя держать на воле. Я один из горячих приверженцев этого философского направления.

Папаша Глоссоб, мало знакомый с данной представительницей прелестного пола и потому не знавший, что с детских лет ее девизом было «Где наша не пропадала!», был весь внимание и любезность.

– У вас есть конкретный план, мисс Уикем?

– Разумеется. Все ясно как дважды два. Вы знаете, в какой комнате живет Уилберт?

Он ответил, что знает.

– А вы согласны, что человек, который гостит в загородном доме и стащил что-то из хозяйского добра, может спрятать это что-то только в своей комнате?

Он сказал, что, несомненно, так оно и есть.

– Ну вот и прекрасно.

Он взглянул на нее «в немом оцепенении», как выразился бы Дживс.

– Вы хотите сказать... Не предлагаете же вы, чтобы...

– Чтобы кто-то пробрался в его комнату и там пошарил? Именно это я и предлагаю. И совершенно ясно, кому выпадет сей почетный жребий. Глас народа требует, чтобы это сделал Берти.

Я несколько не удивился. Я ведь с самого начала чувствовал, что к этому идет. Не знаю почему, но всякий раз, когда возникает необходимость выполнить какую-то грязную работу, мои друзья и близкие в один голос восклицают: «Это должен сделать Вустер». Беспроигрышная лотерея. Хотя я и не питал особых надежд на то, что мои робкие протесты способны изменить приговор судьбы, я все же решил воспользоваться правом на последнее слово.

– А почему я?

– Тут нужен человек молодой.

Чувствуя, что сражение проиграно, я продолжал упираться.

– А я так не считаю, – сказал я. – По-моему, зрелый и опытный человек справится с этим гораздо успешнее, чем неоперившийся новичок вроде меня, ведь я и в детстве не отличался в игре «Найди туфлю». Это же очевидно.

– Не упрямясь, Берти. Ты же обожаешь приключения, – сказала она, хотя откуда она это взяла – ума не приложу. – Представь, что ты сотрудник контрразведки, который разыскивает документ государственной важности, похищенный женщиной под черной вуалью, распространяющей вокруг себя аромат экзотических духов. Когда еще представится такой случай! Что ты сказал?

– Я сказал: «Ха!» А вдруг кто-то войдет?

– Глупости. Миссис Артроуз работает над книгой. Филлис у себя в комнате, печатает речь Апджона. Уилберт на прогулке. Апджон уехал. Войти может разве лишь Бринкликортское привидение. Если оно тебе явится, можешь презрительно рассмеяться и пройти сквозь него. Это отучит его шляться где не следует, ха-ха-ха.

– Ха-ха-ха! – залился в ответ папаша Глоссоб.

Веселье их показалось мне неуместным, а шутки – сомнительными, и я дал им это понять всем своим видом, когда выходил из комнаты. Потому что, разумеется, я тотчас вышел из комнаты. Столкновения характеров с представительницами противоположного пола всегда заканчиваются тем, что Бертрам Вустер покоряется неизбежному. Впрочем, на душе у меня было довольно тускло, и, когда Бобби, проходя мимо, назвала меня своим маленьким героем и сказала, что никогда не сомневалась в том, что на меня можно положиться, я пропустил ее слова мимо ушей с холодностью, которую она не могла не почувствовать.

День стоял великолепный, полный голубого неба, сияющего солнца и жужжания насекомых, день, в который сам Бог велел находиться на воздухе, наслаждаясь теплым ласковым ветерком со стаканом чего-нибудь холодного в руке; а я вынужден тащиться по душному коридору, обыскивать комнату фактически незнакомого мне человека, ползать по полу и заглядывать под кровати, глотая пыль и покрываясь перинным пухом, и все потому, что такая блажь взбрела в голову Бобби Уикем. Мне сделалось очень горько, хотелось плюнуть на всю эту затею и сбежать, я с трудом удержался. Просто удивительно, как по прихоти женщины я позволил вовлечь себя в подобную заваруху. Нас, Вустеров, всегда губит рыцарский дух, черт бы его побрал.

Когда я подошел к двери комнаты Уилберта и остановился, «натягивая смелость на колки», мне пришло в голову, что все это что-то очень напоминает, и я вдруг понял, что именно. То же самое чувство я испытывал много лет назад, в пору учебы в Малверн-Хаусе, когда в глухую ночную пору крался в кабинет Обри Апджона за печеньем, которое он хранил в жестянке на письменном столе: однажды, проскользнув на цыпочках по коридору, я в ночной рубашке вошел в святилище и оказался лицом к лицу с Апджоном, который сидел в кресле и сам уминал печенье за обе щеки. Весьма щекотливая ситуация. Мучительный допрос и неизбежная расплата на следующее утро – полджоины горячих по казенному месту – навсегда останутся высеченными, в буквальном смысле этого слова, на скрижалях моей памяти.

Кроме стука пишущей машинки в конце коридора, свидетельствовавшего о том, что мамаша Артроуз трудится, не жалея сил, чтобы заморозить кровь в жилах читающей публики, все было тихо. Я помедлил перед дверью, поджидая, пока «хочется» пересилит «колется», – Дживс говорил, что именно так всегда поступала какая-то кошка из пословицы, – и осторожно повернул ручку двери, а потом – тоже очень осторожно – отворил дверь и оказался лицом к лицу с девушкой в платье горничной, которая всплеснула руками, как актриса на сцене, и подпрыгнула на несколько дюймов в воздух.

– Ух ты! – воскликнула она, снова почувствовав под ногами твердую почву. – Как вы меня напугали, сэр!

– Ужасно сожалею, – приветливо отвечал я. – По правде говоря, вы меня тоже напугали, так что мы теперь в одинаковом положении. Я ищу мистера Артроуза.

– А я ищу мышь.

Это заявление навело меня на одну любопытную мысль.

– А вы полагаете, здесь водятся мыши?

– Я видела мышь, когда убирала утром комнату. Поэтому я и принесла Огастуса, – сказала она и указала на большого черного кота, которого я только сейчас заметил. Это оказался мой старый знакомец, с которым мы нередко завтракали вместе: я уминал свою яичницу, а он лакал молоко из блюда. – Огастус задаст им жару! – сказала она.

Как вы наверняка догадались, с самой первой минуты нашей встречи с горничной я напряженно размышлял, как бы мне от нее избавиться, потому что ее пребывание в комнате делало мою задачу невыполнимой. Невозможно обыскивать комнату, когда прислуга стоит вдоль боковой линии, а с другой стороны, нельзя, претендуя на звание *preux chevalier*⁵, просто схватить ее за шиворот и выкинуть из комнаты. Поначалу я, признаться, почувствовал, что зашел в тупик, но потом ее слова о том, что Огастус задаст мышам жару, подсказали мне, как быть.

– Сомневаюсь, – сказал я. – Вы ведь здесь недавно, верно?

Она подтвердила, что служит здесь всего вторую неделю.

– Я так и подумал, потому что иначе вы бы знали, что в смысле ловли мышей на него надежда плохая. Я с ним уже много лет знаком и досконально изучил его психологию. Он

⁵ Доблестный рыцарь (*фр.*).

отроду не удосужился поймать ни одной мыши. Если он не ест, он дрыхнет. Так сказать, летаргический кот. Посмотрите, он и сейчас спит.

– Ух ты! И точно, спит.

– Это своего рода болезнь. У нее даже есть научное название. Травма... что-то там. Травматическая симплегия, вот как, у этого кота – травматическая симплегия. Иначе говоря, переводя на нормальный язык, это означает, что, если другим котам достаточно восьми часов сна в день, Огастусу требуются все двадцать четыре. Так что на вашем месте я бы оставил это неблагодарное поприще и забрал кота обратно на кухню. Вы просто зря теряете время.

Мое красноречие возымело действие. Она снова сказала: «Ух ты!», взяла на руки кота, который что-то сонно пробормотал – я не разобрал, что именно, – и вышла из комнаты, оставив меня наконец одного.

Глава 8

Получив возможность спокойно осмотреться, я первым делом заметил, что верховная главнокомандующая, решившая, как вы знаете, не шадить сил и средств, чтобы ублажить семейство Артроуз, неплохо позаботилась об Уилберте при выборе спального помещения. По прибытии в Бринкли-Корт ему досталась так называемая голубая комната – неслыханная честь для холостяка, все равно что для актера – фамилия, набранная на афише крупным шрифтом, потому что в Бринкли, как и в большинстве загородных домов, считается, что для размещения холостого контингента годится любой закуток или даже чуланчик. К примеру, моя спальня похожа на келью отшельника, размеры которой сравнимы даже не с собачьей будкой, а с кошачьим домиком, и то, пожалуй, тесноватым для такого кота, как Огастус. Короче говоря, когда я навещаю тетушку Далию, я не слишком рассчитываю на то, что она встретит меня словами: «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи», мой мальчик. Я приготовила для тебя голубую комнату. Надеюсь, тебе там будет удобно». Я как-то раз попросил ее меня там поселить, но она лишь спросила: «Кого? Тебя?», и разговор перешел на другие темы.

Голубая комната была обставлена в тяжеловесном викторианском стиле, когда-то ее занимал покойный отец дяди Тома, который любил все основательное и надежное. Там стояли кровать с пологом на четырех столбиках, коренастый туалетный столик, массивный письменный стол, разномастные кресла, на стенах картины, на которых красавцы в треуголках склонялись над кудряво-кисейными девами, а в дальнем конце комнаты находился шкаф, в котором можно было без труда разместить дюжину скелетов. Короче говоря, комната была такая большая, и в ней было так много укромных уголков, где можно спрятать украденную вещь, что всякий, кому предложили бы найти там серебряный сливочник в виде коровы, сказал бы: «Ну нет, увольте!» – и вывесил бы белый флаг.

Но у меня есть одно важное преимущество перед «всяким» – я много читаю. Это началось в раннем детстве, и я прочел больше детективных романов, еще до того как их стали называть «остросюжетными», чем съел за свою жизнь яиц всмятку, и они – я имею в виду книги, а не яйца – меня кое-чему научили, а именно: если кто-то хочет спрятать что-то в спальне, он неизменно кладет это что-то сверху на шкаф. Именно так поступали герои книг «Убийство в замке Мистлей», «Трупы по вторникам», «Выстрел из ниоткуда», «Свидетель не нужен», а также десятка других, не столь знаменитых романов, и у меня не было причин полагать, что Уилберт Артроуз отступит от канона. Поэтому первое, что я сделал, это придвинул кресло и взобрался на него посмотреть, не лежит ли сливочник на шкафу, когда Бобби, бесшумно подобравшись ко мне сзади почти вплотную, спросила:

– Ну, как дела?

Честное слово, эти современные барышни просто приводят меня в отчаяние. Казалось бы, эта Уикем должна с молодых ногтей усвоить, что нет ничего хуже для человека, тайно обыскивающего чужую комнату и находящегося в состоянии крайнего нервного напряжения, чем голос из ниоткуда, вдруг спрашивающий прямо в ухо шепотом, как дела. Вряд ли есть необходимость говорить вам, что я тут же рухнул вниз, как куль с мукой. Сердце мое бешено колотилось, давление подскочило, голубая комната кружилась у меня перед глазами в плавном адажио.

Когда я снова обрел способность соображать, выяснилось, что после моего оглушительного падения Бобби почла за благо исчезнуть из комнаты, а я намертво застрял в кресле в позе, похожей на позу Селедки в Швейцарии, когда его ноги оказались обернутыми вокруг шеи. И, похоже, у меня не было никаких шансов вырваться из кресельного плена без применения мощных технических средств.

Тем не менее путем сложных манипуляций я мало-помалу высвобождал застрявшие члены и наконец, умудрившись все-таки отделить себя от кресла, уже собирался встать, когда опять услышал над собой голос.

– Боже милосердный! – произнес голос, и, подняв глаза, я обнаружил, что это не Брин-кликортское привидение, как я было подумал, а миссис Хомер Артроуз. Она смотрела на меня так же, как сэр Родерик Глоссоп недавно смотрел на Бобби – «в немом оцепенении», весь ее вид свидетельствовал о том, что она совершенно сбита с толку. Я заметил, что на этот раз чернильное пятно у нее на подбородке.

– Мистер Вустер! – взвизгнула она.

Когда к вам обращаются со словами: «Мистер Вустер», ничего другого не остается, как сказать в ответ: «Здравствуйте» – что я и сделал.

– Понимаю, что вы удивлены, – продолжал я, когда она, обретя дар речи, спросила: а) что я делаю в комнате ее сына? и б) что, черт побери, все это значит? «Ради всего святого», – добавила она для пущей убедительности.

Про Бертрама Вустера нередко говорят, что он за словом в карман не полезет, и сейчас мне это очень пригодилось, потому что не так-то легко лезть в карман за чем бы то ни было, стоя на четвереньках. Впрочем, на этот раз мне не составило труда придумать отговорку; благодаря нечаянной встрече со служанкой и котом Огастусом у меня было то, что французы называют *point d'appui*⁶. Сняв с себя очередной обломок кресла, я сказал с искренностью, которая, по-моему, была мне очень к лицу:

– Дело в том, что я искал мышь.

Если бы она сказала в ответ: «А, ну да. Понимаю. Разумеется, мышь. Теперь ясно», – все бы прошло как по маслу, но она так не сказала.

– Мышь? – спросила она. – Что значит – мышь?

Если бы она и вправду не знала, что такое мышь, мне предстояла бы утомительная и сложная работа, и я просто не знал бы, с чего начать. Но, к моему облегчению, последующие ее слова показали, что фраза «Что значит – мышь?» не содержит вопроса о значении этого слова, а представляет собой то, что называется крик души.

– С чего вы взяли, что в комнате мыши?

– У меня есть основания так полагать.

– Вы их что, видели?

– Вообще-то нет. Но я видел следы – то, что французы называют *perdu*⁷.

– Но почему вы решили искать здесь мышей?

– Так – дай, думаю, взгляну.

– А для чего вы залезли на кресло?

– Хотел оглядеть комнату, так сказать, с высоты птичьего полета.

– И часто вы ловите мышей в чужих спальнях?

– Я бы не сказал, что часто. Так, знаете ли, под настроение.

– Понятно. Ну, что ж...

Когда вам говорят таким тоном: «Ну, что ж», обычно это означает, что вы злоупотребляете гостеприимством, пора бы и честь знать. Видно было, что, по ее мнению, Вустерам больше нечего делать в спальнях апартаментов ее сына, и, мысленно признав, что в чем-то она права, я поднялся, стряхнул пыль с коленей и, сказав несколько любезных фраз в том смысле, что, я надеюсь, работа над ее новым морозпокожным романом продвигается успешно, избавил ее от моего присутствия. Дойдя до двери, я оглянулся и, поймав ее взгляд, понял, что состояние «немного оцепенения», пожалуй, еще больше усугубилось. Ясно было, что мое поведение

⁶ Точка опоры (фр.).

⁷ Еле заметный (фр.).

кажется ей странным, и не могу не признать, что таковым оно и было на самом деле. Всякий, кто свяжется с Робертой Уикем, неизбежно начинает совершать странные поступки.

В данный момент мне больше всего хотелось поговорить по душам с этой *femme fatale*⁸, и после непродолжительных поисков я обнаружил ее на лужайке в моем шезлонге с книжкой мамаша Артроуз в руках – с той самой, которую я читал, когда она заварила всю эту кашу. Бобби встретила меня лучезарной улыбкой.

– Что, уже? – сказала она. – Нашел?

Странным усилием воли я обуздал эмоции и заставил себя отвечать сурово, но в рамках приличий.

– Нет, – сказал я. – Не нашел.

– Видно, плохо искал.

И снова я вынужден был сделать паузу и напомнить себе, что английский джентльмен не может треснуть по шее сидящую рыжеволосую фурию, как бы сильно она на это ни напирала.

– Я просто не успел. Помешала одна полоумная, она подкралась сзади и спросила, как дела.

– Я просто поинтересовалась. – Она хихикнула. – Ну и загремел же ты! «Как упал ты с неба, денница, сын зари», – сказала я себе. Какой ты нервный, Берти. Пора научиться владеть собой. Попробуй попринимать какое-нибудь успокоительное. Я уверена, сэр Родерик может тебе прописать, если ты к нему обратишься. Ну, что теперь?

– Что значит «что теперь»?

– Что ты собираешься предпринять?

– Вытряхну тебя из шезлонга, сяду в него сам, возьму книгу, первые главы которой показались мне увлекательными, продолжу чтение и постараюсь забыть весь этот бред.

– Ты хочешь сказать, что не собираешься сделать еще один заход?

– Нет. Бертрам выбывает из игры. Можешь считать это моим официальным заявлением для прессы.

– А как же коровий сливочник? Представь себе печаль и муки дяди Тома, когда он узнает о постигшей его утрате.

– Чихать я хотел на дядю Тома.

– Берти! Я тебя не узнаю!

– Ты бы и маму родную не узнала, если бы тебе пришлось, как мне, стоять на карачках в спальне Уилберга, с креслом, обмотанным вокруг шеи, а туда вошла мамаша Артроуз.

– Да что ты!

– Собственной персоной.

– И что ты ей сказал?

– Сказал, что ишу мышь.

– Неужели не мог придумать что-нибудь получше?

– Нет.

– Ну и чем все кончилось?

– Я слинял, а она осталась в полной уверенности, что у меня не все дома. Вот почему, Бобби, когда ты заводишь речь о том, чтобы сделать еще один заход, я могу лишь горько рассмеяться в ответ, – сказал я и горько рассмеялся. – Ни за что не пойду больше в эту чертову комнату! Даже за миллион фунтов стерлингов наличными в мелких купюрах.

На лице у нее появилась презрительная гримаса. Ну, вы знаете, как дамочки поджимают и одновременно вытягивают губы. Все это должно было означать, что она разочаровалась в Бертраме, хотя прежде ожидала от него гораздо большего. Потом она выразила это словами:

⁸ Роковая женщина (*фр.*).

– И это говорит бесстрашный Вустер?
– Он самый.
– Слушай, ты человек или мышь?
– Умоляю, не произноси при мне слово «мышь».
– Но я уверена, что стоит попробовать еще раз. За битого двух небитых дают. И я тебе помогу.

– Ха!
– По-моему, я это уже где-то слышала.
– И еще не раз услышишь – не сомневайся.
– Ну, будь умником, Берти. Если мы будем действовать сообща, все пройдет как надо. Вряд ли мамаша Артроуз снова нагрянет в комнату. Молния не ударяет в одно дерево дважды.

– Кто это тебе сказал?
– А если она все-таки придет... Знаешь, как мы поступим? Ты войдешь в комнату и начнешь искать, а я буду стоять за дверью.

– Велика помощь, нечего сказать!
– Ты меня не понял: если она снова появится, я начну петь.
– Всегда рад послушать, как ты поешь, но какой от этого прок?
– Ох, Берти, ты и вправду непроходимый болван! Неужели до тебя не доходит? Когда ты услышишь, что я запела, ты будешь знать, что надвигается опасность, и у тебя будет куча времени смыться через окно.

– Ага, и сломать себе шею.
– С чего ты взял? Там же балкон. Я видела, как Уилберт Артроуз делал на балконе утреннюю зарядку. Он страшно сопел, принимал невообразимые позы и...

– К черту Уилберта вместе с его позами.
– Я просто хотела сделать мой рассказ более увлекательным. Суть в том, что в комнате есть балкон, ты выскочишь на балкон, и был таков. Рядом с балконом водосточная труба. Ты соскальзываешь вниз по трубе и идешь своей дорогой, напевая «Очи черные». Не станешь же ты утверждать, что не в состоянии слезть с балкона по водосточной трубе. Дживс рассказывал, что для тебя это плевое дело.

Я задумался. Должен признаться, что действительно в свое время немало полазил по водосточным трубам. Нередко обстоятельства складывались таким образом, что ничего другого просто не оставалось. Именно таким путем я покинул Скелдингс-Холл в три часа утра после пресловутой истории с грелкой. Так что перспектива спуска с балкона по трубе меня не пугала, хотя было бы преувеличением сказать, что лазанье по водосточным трубам является моим любимым времяпрепровождением. Я понял, что, может быть, и вправду несколько муссирую – если только это называется муссировать – предстоящую опасность.

И главное, что склонило чашу весов в пользу ее плана и заставило меня согласиться, была мысль о дяде Томе. Как ни нелепо выглядит со стороны его пристрастие к коровьему сливочнику, он ведь в самом деле всей душой привязан к этому уродцу, и мне было тяжело думать, что вот он вернется из Харрогита, скажет себе: «Пойду-ка взгляну на мой любимый сливочник» – и обнаружит, что коровы-то и нет. Летний день для него сразу же померкнет, а любящие племянники не могут допустить, чтобы летние дни меркли для их любимых дядюшек. Да, я сказал: «Чихать я хотел на дядю Тома», но на самом деле я врал. Никогда не забуду, что, когда я жил в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, он, всего лишь муж моей тети, посылал мне по почте деньги, иногда по целых десять шиллингов. Короче говоря, я всегда видел от него только добро, и теперь пришел мой черед отплатить ему тем же.

Вот почему уже пять минут спустя я снова оказался перед дверью голубой комнаты, на этот раз вместе с Бобби, пока еще не вопиющей в пустыне, но готовой завопить, как только мамаша Артроуз, следуя излюбленной тактике ассирийцев, внезапно нагрянет в комнату, точно

волк в овчарню. Нервы у меня были, конечно, на взводе, но не слишком. Теперь Бобби стояла на часах в коридоре и было уже не так страшно. Любой гангстер вам скажет: когда берешь сейф, главное – это знать, что кто-то стоит на стреме и вовремя крикнет: «Шухер, легавые!»

Я постучал в дверь – на всякий случай, надо ведь убедиться, что Уилберт не вернулся с прогулки. Ни звука. Кажется, путь свободен. Я сказал об этом Бобби, и она подтвердила: да уж, свободнее и быть не может.

– Теперь давай быстренько повторим еще раз, я хочу быть уверена, что ты все понял. Если я запою, что ты делаешь?

– Сразу же на балкон.

– И?..

– Спускаюсь по водосточной трубе.

– И?..

– Скрываюсь за горизонтом.

– Правильно. Тогда смело вперед! – сказала она, и я повернул ручку двери.

В комнате – уже до боли знакомой – за время моего отсутствия ничего не изменилось, и первое, что я сделал, это взобрался на другое кресло и посмотрел, не лежит ли сливочник на шкафу. К моему глубокому разочарованию, его там не оказалось. Видимо, эти клептоманы не так наивны, чтобы хранить добычу в таких общеизвестных местах. Мне ничего не оставалось, как начать утомительные планомерные поиски, и я принялся за работу, держа при этом ухо остро на случай пения в коридоре. Поскольку все было тихо, я, со свойственным всем Вустерам хладнокровием, продолжал искать там и сям, и в ходе моих изысканий забрался на четвереньках под туалетный столик, когда над моей головой вдруг прозвучал очередной голос из ниоткуда, которые столь часто раздаются в голубой комнате, и, дернувшись от неожиданности, я набил себе на голове весьма болезненную шишку.

– Боже милостивый! – произнес голос, и, выплыв на свет из-под столика, словно соленый огурец на кончике вилки, я получил удовольствие убедиться, что мамаша Артроуз опять нанесла мне визит. Она смотрела на меня сверху вниз, и на ее энергичном лице можно было без труда прочесть: «Какого черта все это значит?» И ее можно понять: приходишь в спальню сына и вдруг видишь, что из-под туалетного столика торчит обтянутый незнакомыми брюками зад.

Дальше мы в хорошем темпе разыграли уже привычный дебют.

– Мистер Вустер!

– Здравствуйте.

– Это опять вы?

– А? Да, – ответил я, потому что, разумеется, это был именно я.

Она издала какой-то странный звук, не то чтобы икнула, но что-то вроде этого.

– Вы снова ищете мышь?

– Совершенно верно. Мне показалось, она шмыгнула под столик, и я решил разобраться с ней, невзирая на пол, возраст и общественное положение.

– Но с чего вы взяли, будто в комнате мышь?

– Так, знаете, вдруг пришло в голову.

– И часто вы охотитесь на мышей?

– Да, частенько.

Тут ее, видимо, озарило.

– Может быть, вы думаете, что вы – кот?

– Нет, я так не думаю. Тут у меня нет ни малейших сомнений.

– Но вы любите ловить мышей?

– Да.

– Что ж, все это очень любопытно. Надо будет поговорить с моим психоаналитиком, когда вернусь в Нью-Йорк. Уверена, что этому мышшеловному комплексу соответствует какой-то символ в подсознании. А вы не чувствуете необычного ощущения в голове?

– Еще как чувствую, – сказал я, потому что башкой я приложился очень даже крепко, до сих пор в висках стучало.

– Так я и думала. Наверное, что-то вроде жжения. А теперь сделайте, как я скажу. Ступайте в свою комнату и прилягте. Расслабьтесь. Постарайтесь заснуть. Может быть, стоит выпить чашку крепкого чая. Потом... Господи, никак не вспомню фамилию этого знаменитого психиатра, его тут все еще нахваливали. Мисс Уикем про него вчера вспоминала. Боссом? Блоссом? Глоссоп! Да-да, сэр Родерик Глоссоп. Я думаю, вам нужно ему показаться. У него в клинике лежит моя приятельница, и она говорит, что он буквально творит чудеса. Вылечивает самые запущенные случаи. Сейчас главное для вас – покой. Идите и хорошенько отдохните.

Еще в самом начале нашего разговора я стал незаметно продвигаться к выходу и теперь бочком протискивался в дверь, точно перепуганный краб на песчаном пляже, который старается не привлекать к себе внимание ребенка с лопаткой. Но я не пошел отдыхать в свою комнату – весь кипя от ярости, я отправился на поиски Бобби. Мне не терпелось поднять вопрос об отсутствии наличия пения в коридоре. Поскольку даже двух тактов из любого шлягера было бы достаточно, чтобы уберечь меня от встречи, способной привести к преждевременной седине и разжижению костного мозга, я чувствовал себя вправе требовать объяснений, почему эти такты не прозвучали.

Я обнаружил ее у парадного входа за рулем своего автомобиля.

– А, привет, Берти, – с хладнокровием мороженой трески сказала она. – Нашел?

Я скрипнул зубами от ярости и негодуя всплеснул руками.

– Нет, – сказал я, оставив без ответа ее вопрос, почему я вдруг решил делать шведскую гимнастику в это время суток. – Нет, я ничего не нашел. Но вот мамаша Артроуз меня застукала.

Она широко раскрыла глаза и негромко охнула.

– Только не говори мне, что ты снова стоял на четвереньках!

– Именно так оно и было. Я выползал из-под туалетного столика. Вот она – твоя помощь. И твое пение! – сказал я и, кажется, добавил: «Черт бы тебя побрал!»

– Ах, Берти, какая досада.

– Да уж.

– Понимаешь, меня неожиданно позвали к телефону. Мама звонила. Хотела сказать мне, что ты олигофрен.

– Господи, где она только откапывает такие словечки.

– Думаю, черпает от своих друзей-литераторов. У нее масса знакомых в мире литературы.

– Теперь понятно, откуда у нее такой богатый словарный запас.

– Она очень обрадовалась, что я еду домой. Хочет со мной серьезно поговорить.

– Насчет меня, разумеется.

– Думаю, твое имя неминуемо всплывет в разговоре. Но мне некогда с тобой здесь болтать, Берти. Если я сию минуту не уеду, я и к завтрашнему утру не доберусь до родного гнезда. Жаль, что ты все испортил. Бедный мистер Траверс, представляю себе его горе. Впрочем, «в любую жизнь приходят дни ненастья», – сказала она и укатила прочь, разбрызгивая во все стороны гравий.

Был бы здесь Дживс, я бы пошел к нему и сказал: «Вот они, женщины, Дживс», и он ответил бы: «Да, сэр» или, может быть: «Уж это точно, сэр», и это немного уврачевало бы мою израненную душу, но его здесь не было, поэтому я лишь горько рассмеялся и пошел на лужайку. Я подумал, что глава-другая из волосодыбного романа мамаша Артроуз помогут успокоить мои расшатанные нервы.

Так и оказалось. Не успел я прочесть и двух страниц, как меня одолела дремота, усталые веки сомкнулись, и я начал погружаться в мир грез и заснул не менее крепко, чем кот Огастус. Когда я проснулся, оказалось, что я проспал около двух часов, и, разминая затекшие конечности, я вдруг вспомнил, что забыл послать телеграмму Селедке. Я пошел в спальню тетушки Далии и исправил эту оплошность, продиктовав текст телеграммы почтовому служащему, которому явно не мешало бы обратиться к специалисту по проблемам слуха. После этого я снова вышел на воздух, собираясь вернуться на лужайку и продолжить чтение, но тут услышал звук мотора и, к моему огромному удивлению, увидел у парадной двери выходящего из автомобиля Селедку.

Глава 9

От Лондона до Бринкли-Корта около ста миль, а телеграмму я послал всего две минуты назад, поэтому, увидев Селедку у дверей дома, я не мог не подумать про себя: «Быстрая доставка, ничего не скажешь!» Он побил рекорд того парня из шуточной сценки, которую любит исполнять Китекэт Поттер-Перебрайт на концертах для курящих в клубе «Трутни», где один говорит, что собирается поехать на машине в Глазго, а другой спрашивает: «А далеко это?», и тот ему отвечает: «Триста миль», а второй спрашивает: «И сколько же ты туда будешь ехать?», на что первый отвечает: «Полчаса, приятель, примерно полчаса». Вот почему, когда я окликнул Селедку, в моем голосе прозвучало неподдельное изумление.

Услышав голос старого друга, он повернулся ко мне с резовостью кота, которого бросили на раскаленную печку, и я увидел, что его физиономия, обычно сияющая радостью бытия, на этот раз искажена душевной мукой, словно он только что проглотил несвежую устрицу. Я сразу же догадался, в чем дело, и едва заметная улыбка заиграла на моем лице. Очень скоро, сказал я себе, я верну на его щеки румянец счастья.

Он сделал судорожное глотательное движение и произнес замогильным голосом, каким говорят духи во время спиритических сеансов:

- Привет, Берти.
- Привет.
- Стало быть, это ты.
- Стало быть, я.
- Я так и рассчитывал тебя здесь встретить.
- Твоя мечта сбылась.
- Ты сам мне сказал, что едешь сюда.
- Сам.
- Как жизнь?
- Грех жаловаться.
- Тетушка здорова?
- Вполне.
- А ты?
- Более или менее.
- Замечательно. Давненько я не был в Бринкли.
- Давненько.
- Здесь мало что изменилось.
- Да, не много.
- Вот, стало быть, такие дела...

Он опять судорожно сглотнул, и я понял, что мы приступаем к разговору по существу, а все, что было до этого, – лишь неофициальный предварительный обмен репликами. Я имею в виду ту чепуху, которой потчуют друг дружку политические деятели на встречах, проходящих в атмосфере дружбы и добросердечности, перед тем как вцепиться друг другу в волосы и перейти к делу.

Я оказался прав. Он скорчил такую гримасу, словно за первой несвежей устрицей последовала вторая, уже и вовсе тухлая.

- Я прочел объявление в «Таймс», – сказал он.

Я продолжал играть свою роль. Гуманнее было бы тотчас вернуть на его лицо румянец счастья, но мне захотелось еще немного помурьжить дуралея, и потому я не спешил снять маску.

- А, ну да. В «Таймс». Объявление. Понятно. Так ты его прочел?

– В клубе. После обеда. Я глазам своим не поверил.

Что ж, и я сначала не поверил своим глазам, но не стал ему об этом рассказывать. До чего же это похоже на Бобби – придумать хитроумный план и не известить в первую очередь его. Наверное, у нее просто выскочило из головы, а может быть, она нарочно от него скрыла, по каким-то ей одной понятным соображениям. Никогда не знаешь, что от нее ждать.

– И я скажу тебе, почему я не мог в это поверить. Как ни дико это звучит, но еще два дня назад она была помолвлена со мной.

– Да что ты говоришь?

– Можешь мне поверить.

– Помолвлена с тобой, говоришь?

– Помолвленнее не бывает. И все это время она замышляла гнусное предательство.

– Да уж, признаюсь...

– Если ты когда-то слышал о предательстве более гнусном, поделись, буду рад. Вот что такое женщины. Это ужасные создания, Берти. Нужно издать закон. Надеюсь дожить до того дня, когда женщин запретят законом.

– А как же с продолжением рода человеческого?

– А зачем ему продолжаться?

– Что ж, понимаю. В чем-то ты прав.

Он в сердцах отбросил носком ботинка проползавшего мимо жука и задумчиво нахмурился.

– Больше всего меня поразила ее холодная, бесчувственная жестокость, – продолжал он. – Ни единого намека на то, что она собирается дать мне отставку. Не далее как на прошлой неделе, за обедом, она с величайшим увлечением обсуждала, где нам лучше провести медовый месяц. И вот, пожалуйста. Хоть бы предупредила! Естественно ожидать, что девушка, решившая растоптать твою жизнь с безжалостностью парового катка, черкнет на прощание пару строк, хотя бы на почтовой открытке. Видимо, ей такое и в голову не пришло. Предпочла, чтобы я узнал об этом из утренней газеты. Прямо как обухом по голове.

– Еще бы! Наверное, в глазах потемнело.

– Весь мир померк. До конца дня я обдумывал случившееся, а утром отпросился на работе, сел в машину и приехал, чтобы сказать тебе...

Он замолчал, не в силах побороть охватившие его чувства.

– Сказать мне – что?

– Сказать: что бы ни случилось, это не должно отразиться на нашей дружбе.

– Разумеется, нет. Как тебе такое могло прийти в голову!

– Такие старые друзья.

– Старее не бывает.

– Мы подружились еще мальчишками.

– В итонской форме и с прыщами на физиономиях.

– Точно. Мы были как братья. Я, бывало, отдавал тебе последнюю ириску, а ты по-братски делил со мной заветный пакетик леденцов. Когда ты болел свинкой, я подцеплял ее от тебя, а когда у меня была корь, ты заражался от меня корью. Каждый помогал другому, чем мог. Так что мы должны и дальше дружить, будто ничего не случилось.

– Именно.

– Иногда обедать вместе, как прежде.

– Ну, разумеется.

– Играть в гольф по субботам, а иногда в сквош. А когда ты женишься и обзаведешься собственным домом, я стану время от времени заходить к вам выпить пару коктейлей.

– Да, пожалуйста.

– Непременно. Хотя мне потребуется нечеловеческое самообладание, чтобы сдержаться и не треснуть шейкером по башке эту тупорылую притворщицу миссис Бертрам Вустер, урожденную Уикем.

– Неужели обязательно называть ее тупорылой притворщицей?

– А ты что, можешь придумать что-нибудь позабористее? – спросил он с видом человека, готового обсудить любые разумные предложения. – Слышал когда-нибудь про Томаса Оттуэя?

– Не припоминаю. Это твой приятель?

– Драматург семнадцатого века. Он написал «Сироту». Так вот, в этой пьесе есть такие строки: «Какое зло на свете не совершалось женщиной? Кто предал Капитолий? Женщина. Кто погубил Марка Антония? Женщина. Кто стал причиной бесконечных войн, повергших в прах славную Троию? Женщина. Вероломная, коварная, все разрушающая женщина». Оттуэй знал, что говорил. Он взглянул на женщин под верным углом. Можно подумать, что он лично был знаком с Робертой Уикем.

На моем лице снова заиграла едва заметная улыбка. Все это меня ужасно забавляло.

– Знаешь, Селедка, может быть, я заблуждаюсь, но мне что-то подсказывает, что на данный момент ты не слишком высокого мнения о Бобби.

Он пожал плечами:

– Нет, отчего же. Не считая того, что мне хочется задушить ее собственными руками, а потом поплясать на останках в подбитых гвоздями сапогах, я к ней вполне равнодушен. Она предпочла тебя мне, и больше здесь разговаривать не о чем. Самое главное, чтобы наша с тобой дружба не пострадала.

– И ты проделал столь длинный путь лишь для того, чтобы в этом убедиться? – растроганно спросил я.

– Честно говоря, я надеялся, что мне удастся получить приглашение на ужин и отведать кулинарных изысков Анатоля прежде, чем я сниму комнату в «Безрогом быке» в Маркет-Снодсбери. Анатолий готовит все так же восхитительно?

– Лучше прежнего.

– Могу себе представить – все, наверное, так и тает во рту. Прошло два года с тех пор, как я имел счастье приобщиться к его шедеврам, а я до сих пор не могу забыть их вкус. Великий артист!

– Что и говорить! – воскликнул я и с удовольствием обнажил бы в знак уважения голову, не окажись я без шляпы.

– Как ты считаешь, есть у меня шанс напроситься на ужин?

– Разумеется, мой дорогой друг. В этом доме никогда не откажут нищему и убогому.

– Вот и чудесно. А после ужина я сделаю предложение Филлис Миллс.

– Что?

– Я знаю, что тебя смутило. Она родственница Обри Апджона, подумал ты про себя. Но, с другой стороны, Берти, разве это ее вина?

– Пожалеть, а не осуждать?

– Именно. Нужно шире смотреть на вещи. Она милая, славная девушка, не то что некоторые медноволосые Далилы, не буду уточнять, кого я имею в виду. Мне она очень нравится.

– Мне казалось, вы едва знакомы.

– Вовсе нет, в Швейцарии мы много времени проводили вместе. Мы с ней большие друзья.

Тут я понял, что пора наконец открыть миру благую весть.

– На твоём месте, Селедка, я не стал бы делать предложение Филлис Миллс. Бобби это может не понравиться.

– Но в этом-то весь смысл – показать этой змее, что на ней свет клином не сошелся, и, если ей я не нужен, кое-кто думает иначе. Чего это ты ухмыляешься во весь рот?

На самом деле на моем лице играла едва заметная улыбка, но я решил не цепляться к мелочам.

– Слушай, Селедка, – сказал я. – Я расскажу тебе одну занимательную историю.

Не знаю, доводилось ли вам когда-либо принимать «Желчегонную микстуру доктора Гордона» – «дает мгновенное облегчение при расстройствах печени, обладает чудодейственным лечебным эффектом и вызывает приятное ощущение теплоты внутри». Самому мне не доводилось, потому что состояние моей печени всегда держится на одном и том же, пусть и не лучшем, уровне, но я видел рекламный плакат. На нем изображен печеночный страдалец до и после приема микстуры, сначала с перекошенным лицом и ввалившимися глазами, кажется, он вот-вот прилюдно продемонстрирует все, что съел за обедом, потом – весь излучающий энергию, довольство и то, что французы называют *bien etre*⁹. Я это все к тому, что занимательная история, которую я рассказал Селедке, произвела на него такое же действие, как суточная доза для взрослых. Он тотчас воспрянул духом, он весь пришел в движение, он снова ощущал струение жизни под килем и хотя вряд ли прибавил несколько фунтов, как было обещано в рекламе, но мне показалось, что он на глазах расправляется, точно резиновый утенок, которого надувают, прежде чем пустить в ванну.

– Чтоб мне сдохнуть! – воскликнул он, когда я выложил карты на стол. – Да я теперь... я просто не знаю, что готов сделать!

– Не сомневаюсь.

– Господи, ну что за умница! Много ли найдется девушек, у которых так варит серое мозговое?

– Считанные экземпляры.

– Да, это то, что я называю спутница жизни! В смысле служения друг другу и сотрудничества. Ну и как, по-твоему, план уже действует?

– По-моему, пока все идет как по писаному. Прочитав объявление в «Таймс», Уикем-старшая забила в истерике, а потом грохнулась в обморок.

– Ты ей не нравишься?

– Такое у меня сложилось впечатление. Впоследствии оно было подкреплено адресованными Бобби телеграммами, где она называет меня дебилом и имбецилом. Кроме того, она считает, что я олигофрен.

– Но ведь это же прекрасно! Похоже, после тебя она примет меня, как... Господи, прямо вертится на языке...

– Как освежающий фруктовый десерт?

– Именно. Ставлю десять фунтов против пяти, что в финальных кадрах фильма мы увидим, как леди Уикем заключает меня в объятия, целует в лоб и выражает уверенность в том, что я сделаю ее девочку счастливой. Берти, Берти, как представлю себе, что она скоро станет моей – я имею в виду, конечно, Бобби, а не леди Уикем – и что сегодня после захода солнца я буду наворачивать за обе щеки яства Анатоля, мне хочется станцевать сарабанду. Кстати, как ты думаешь, у меня есть шанс получить здесь не только стол, но и кров? В «Путеводителе для автомобилистов» неплохо отзываются о «Безрогом быке», но я не очень доверяю этим деревенским трактирам. Я предпочел бы остаться в Бринкли-Корте, с которым у меня связано столько счастливых воспоминаний. Не мог бы ты замолвить за меня словечко перед тетушкой?

– Ее сейчас нет. Уехала ухаживать за Бонзо, он в школе заболел корью. Но она сегодня звонила и велела послать тебе телеграмму с просьбой приехать в Бринкли.

– Шутишь!

– Считай это официальным приглашением.

– Но с чего она вдруг обо мне вспомнила?

⁹ Хорошее самочувствие.

– Хочет тебя кое о чем просить.

– Она получит все, о чем просит, – хоть полцарства. А что, собственно... – Он умолк, и по его лицу пробежала тревожная тень. – Только не говори, что она просит меня вручать призы в местной школе, как некогда Гасси.

Он имел в виду нашего общего друга, Гасси Финк-Ноттла, на которого престарелая родственница возложила прошлым летом эту почетную миссию, а он назюзюкался в хлам и выставил себя во всей красе, подняв планку ораторского искусства на высоту, недостижимую для завистливых потомков.

– Нет, ничего похожего. Призы в этом году будет вручать Обри Апджон.

– Слава Богу, прямо гора с плеч. Кстати, как он? Ты с ним уже виделся?

– Да, мы встречались. Я облил его чаем.

– И правильно сделал.

– Он отрастил усы.

– Это утешает. По крайней мере не придется смотреть на отвратительное голое пространство над его верхней губой. Помнишь, как мы все умирали со страху, когда он начинал подергивать верхней губой? Интересно, что он запоет, когда ему придется иметь дело не с одним бывшим учеником, а сразу с двумя, причем именно с теми, кто являлся ему в ночных кошмарах на протяжении последних пятнадцати лет. Я готов в бой хоть сейчас, скажи только слово.

– Его сейчас здесь нет.

– Ты же сказал, он в Бринкли.

– Правильно, он был здесь и снова будет, но сейчас он уехал в Лондон.

– Но кто-то же здесь остался?

– Конечно. Филлис Миллс...

– Милая барышня.

– ...и миссис Хомер Артроуз из Нью-Йорка, штат Нью-Йорк, с сыном Уилбертом. И в этой связи я хочу рассказать, о чем тебя просит тетя Далия.

Я просветил его насчет проблемы Уилберт – Филлис и той роли, которую ему предстоит сыграть, и с облегчением отметил, что он, кажется, не собирается воспользоваться правом вето. Он внимательно выслушал мой рассказ и сказал, что будет рад сделать все, что в его силах. Совсем незначительная услуга для человека, столь глубоко уважающего тетю Далию; с тех самых пор, как она с таким гостеприимством принимала его в своем доме два года назад, он только и думал, чем бы ей отплатить.

– Можешь рассчитывать на меня, Берти, – сказал он. – Мы не допустим, чтобы Филлис связала свою судьбу с человеком, который на поверку может оказаться законченным шизиком. Я буду находиться рядом с Артроузом денно и ночью, буду следить за каждым его шагом. Всякий раз, когда он заманит несчастную девушку на Тенистую поляну, я уже буду там, притаюсь за лютиком или ромашкой, неожиданно выскочу из засады и прерву матч, как только увижу, что он готов перейти к телячьим нежностям. А теперь покажи мне, пожалуйста, мою комнату, чтобы я успел принять ванну, переодеться и предстать бодрым и свежим на сегодняшнем ужине. Скажи, Анатолий по-прежнему готовит биточки из телятины с рисом в кляре по-тулузски?

– И сифиды с раками под взбитыми сливками.

– Никто не может с ним сравниться, – сказал Селедка, облизнувшись, как волк, заметивший на опушке леса русского мужика. – Нет ему равных...

Глава 10

Поскольку я понятия не имел, какие комнаты в доме свободны и где можно разместить Селедку, пришлось вызвать папашу Глоссопа. Я нажал кнопку звонка, он тотчас же явился и, едва войдя в комнату, бросил на меня заговорщический взгляд – так секретарь тайного общества глядит на приятеля, фамилию которого недавно обнаружил в членских списках.

– Это мистер Сельдинг, Макпалтус, – сказал я, в свою очередь бросая на него заговорщический взгляд, потому что привык отвечать любезностью на любезность. – Приехал посетить наши палестины.

Он поклонился в пояс, хотя определить, где именно у него пояс, не так-то просто.

– Добрый вечер, сэр.

– Он у нас погостит. Где мы его пристроим?

– Позволю себе предложить красную комнату, сэр.

– Решено, Селедка, ты будешь жить в красной комнате.

– Прекрасно.

– Я жил в этой комнате в прошлом году. «Колодцы глубже и церковные двери шире, но довольно и этой», – вспомнил я присказку Дживса. – Макпалтус, вы не проводите мистера Сельдинга?

– Хорошо, сэр.

– И не могли бы мы после этого переговорить с вами в буфетной? – сказал я и бросил на него заговорщический взгляд.

– Разумеется, сэр, – сказал он и послал мне еще более заговорщический взгляд в ответ. Это было похоже на конкурс заговорщических взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.